

«Союз в рвении», или «Молодая Турция»: к истории османской общественно-политической мысли второй половины XIX века

Тимур Кораев

Кандидат исторических наук, доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа
Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
Адрес: Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация 119991
E-mail: timur-koraev@mail.ru

В статье освещается деятельность первого в истории Османской империи политического кружка «Новых османцев» (первоначально — «Союз в рвении», *Иттифак-и хамийет*), анализируется эволюция мировоззрения его наиболее ярких представителей, в частности, Ибрахима Шинаси (1826–1871), Намыка Кемаля (1840–1888), Абдул-Хамида Зия (1829–1880), Али Суави (1839–1878). Особое внимание уделено социальному контексту зарождения «новоосманского» течения общественной мысли: конкуренция придворных группировок, неровная модернизация бюрократии, зарождение национального самосознания под влиянием идеологий модерна. Ввиду неправомерности концептуализации сообщества «Новых османцев» как организационно консолидированного движения с четкой программой действий делается упор на разнообразие конкретных позиций и карьерных устремлений, которое обуславливало отсутствие общей платформы, индивидуализм политического поведения и высокую конфликтность среди ведущих деятелей «Союза». Сделана попытка комплексно рассмотреть индивидуальные карьеры ведущих членов кружка с учетом их происхождения, уровня образования, неформальных связей, участия в патронажно-клиентных сетях Ближневосточной Порты, взаимоотношений с властной элитой империи периода Танзимата (1839–1876 гг.) и эпохи Абдул-Хамида II (1876–1909 гг.). Прослеживаются взаимодействия между европейскими и ближневосточными элементами в «новоосманских» концепциях «родины», «свободы», «нации» и др., которые определили позднейшее толкование соответствующих терминов в политическом языке исламского мира. Представлена специфика интеллектуальной позиции «Новых османцев» в условиях культурной трансформации османского социума 1830–1860-х годов. Особый акцент сделан на новаторстве «новоосманской» публицистики (газеты *Терджюман-и ахваль*, *Тасвир-и эфкяр*, *Мухбир*, *Хюррийет*) в контексте истории периодики в мусульманских странах. Выделены аспекты литературного творчества писателей — «гашатаев» движения, идеологически значимые для формирования предпосылок успеха турецкого национально-освободительного движения на базе консолидации тюркоязычного населения Малой Азии и Балкан (с точки зрения культивации «государственного» патриотизма, исламской лояльности нового типа, а опосредованно — самоотжествления по этнонациональному принципу).

Ключевые слова: «Новые османцы», Османская империя, турки, Намык, Зия, Шинаси, Суави

© Кораев Т. К., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

От «богохранимых царств» к «больному человеку»

Во второй четверти XIX в. Османская империя¹ переживала эпоху, которая определила характер дальнейшего развития этого сложного этносоциального организма, а во многом — его кризис и конечный крах, последовавший уже в начале следующего века². Этот перелом имел как внутри-, так и внешнеполитическое измерение: культурно-экономические мутации и военно-дипломатические конфликты в огромной мере сформировали общественную среду и интеллектуальную атмосферу, где формулировались светские идеологические концепты современно-го типа — первые по времени возникновения по сравнению с другими регионами мусульманского мира.

Кардинальная перекройка внутривосточного пространства Османской империи началась с тридцатилетнего правления султана³ Махмуда II (1808–1839 гг.). Среди решительных мер, которыми оно ознаменовалось, достаточно назвать уничтожение военной системы, опиравшейся на ополчение ленников и невольничью гвардию (унаследованной от XIV–XV вв. и окончательно деградировавшей уже к концу XVIII в.), ограничение влияния шариатских авторитетов (*улема*) и суфийских братств (*тарикатов*), замена ведомств-диванов министерствами. В социокультурной сфере этим сдвигам соответствовало создание сети (поначалу весьма скромной) начальных (*ибтидаийе*) и средних (*рюшдийе*) учебных заведений со светскими дисциплинами как ведущими, а также ряда административных инстанций, призванных поставить научно-технические достижения Запада на службу державе⁴.

Однако вплоть до 1840-х годов империя продолжала жить наследием «золотого века» османской династической государственности. Органический синтез принципов управления, воспринятых из Сельджукского султаната и поздней Византии, доказал свою эффективность в эпоху грандиозной экспансии конца XV — начала XVI в., но уже по меркам абсолютистской Европы эпохи Просвещения был безусловно архаичен (Lapidus, 2002: 489–490). Преимущественно религиозная легитимация верховной власти — деспотической монархии, ограниченной лишь ав-

1. Под османцами (*османлылар*) здесь и далее понимается этническое объединение огузских племен северо-запада Малой Азии, которое на протяжении XIV–XV вв. создало обширную Османскую державу: устоявшееся «османы» создает искажённое впечатление мн.ч. от имени основателя правящей династии («Осман»). Для последней используется, во избежание путаницы, обозначение «Османиды» (исходное *Ал-и Осман* — «род Османа»). Термины «Турция» и «турки» используются применительно к Османскому государству только в контексте его взаимоотношений со странами христианского Запада и Россией, где соответствующие обозначения были приняты.

2. В отечественной историографии наиболее насыщена фактическим материалом характеристика данного периода в: Новичев, 1973. Более сжатое и свободное от штампов советских гуманитарных наук изложение см.: Еремеев, Мейер, 1992. Позиция современной турецкой историографии в общих чертах представлена в: Бейдилли, 2006.

3. Здесь и далее два основных титула османских государей — «султан» и «падишах» — будут использоваться как взаимозаменяющие.

4. Детальный очерк османской системы образования и ее трансформации в XIX в. см.: Ихсаноглу, 2006.

торитетом шариатского права, — сочеталась с функционированием сложного чиновничьего аппарата, который пронизывал практически узаконенный непотизм. Громоздкая иерархия провинциальной администрации опиралась на методы косвенного управления, поиски баланса между местными элитами, признание внутренней автономии немусульманских конфессиональных сообществ и племенных объединений на имперской периферии (Lapidus, 2002: 493–494).

«Богохранимые царства» (так именовались османские владения в официальной документации) представляли собой совокупность разнотипных этнорегиональных конгломератов, поликонфессиональных⁵ и многоязычных⁶. Их сплачивали только более или менее тесные связи с имперской столицей — «Высоким порогом» — и унифицированная система территориального деления на наместничества-вилайеты и округа-санджаки⁷. Отдельно следует упомянуть полунезависимые княжества на окраинах империи, где правили собственные династии. Помимо деев и беев Северной Африки и мелких царьков запада и востока Аравии, среди которых особо выделялись шарифы священной Мекки, были князья-епископы Черногории, господа Молдовалахии и эмиры Курдистана⁸. Конкретное содержание отношений «центр — периферия» в каждом случае серьезно варьировало (Fisher, 1977: 57–58).

Внешние границы Османской империи — ценой потерь не только территориальных, но и символических — стабилизировались в начале 1830-х годов по тем линиям, на которых они останутся более или менее неизменными еще почти полвека. За 1829–1830 гг. Стамбул уступил Санкт-Петербургу Дунайские гирла и все свои позиции на Кавказе, признал независимость Греции и предоставил автономию Сербии. В 1830 году Блистательная Порты⁹ смирилась с высадкой в Алжире французского экспедиционного корпуса, который заложил здесь фундамент колониальной администрации.

5. Мусульмане были представлены как суннитами (двух религиозно-правовых школ-мазхабов — ханафитов и шафиитов), так и шиитами (умеренными — имамами и крайними — друзами и нусайритами), христиане — халкидонитами (трех диофизитских патриархий — Константинопольской, Антиохийской и Иерусалимской) и нехалкидонитами (монофизитами и несторианами), иудеи — раввинистами и саббатянцами.

6. Наибольшим распространением, помимо турецкого (в его литературной — османской — и разговорно-диалектальных формах), пользовались: в Европейской Турции — греческий, албанский, болгарский, сербский, валашский; в Азиатской — арабский, курдский, армянский, арамейский, лазский.

7. Вилайетское законодательство 1867–1871 гг. реорганизовало административно-территориальное деление, определив (не всегда окончательно) границы единиц и оговорив необходимость низового самоуправления. За управителями единиц первого и второго уровня (соотв. вилайетов и санджаков) закреплялись наименования *вали* и *мутасаррыф*. Список провинций и округов на 1877 г. см.: Devereux, 1963: 283–285.

8. Более подробно об этом, с примерами из практик разных регионов державы, см.: Ипширли, 2006.

9. Блистательная Порты — появившийся во второй половине XVI в. французский и итальянский перевод арабо-персидского словосочетания *Баб-и али* — «Высокие врата», обозначавшего ведомство садразама — главы гражданского чиновничества Османской державы, с которым прежде всего и имели дело европейские дипломаты (именовавшие этого сановника «великим визирем»). Как неформальное обозначение правительственных институтов империи термин использовался вплоть до конца XIX в.

Одновременно султанские власти расписались в собственном бессилии перед лицом внутреннего источника опасности — притязаний наместника (вали) Египта Мехмеда Али-паши (1805–1848 гг.)¹⁰. Возвысившись до положения неограниченного хозяина долины Нила, этот командир албанского ополчения в 1810-е годы присоединил Судан и уничтожил ваххабитский эмират в Аравии (Луцкий, 1965: 76–79, 82–83). Еще в 1820-е он заявлял о себе как о верной опоре падишахского трона (экспедиция в Морею), но в 1830-е, при помощи сильной армии, организованной по образцу наполеоновской, уже поставил под контроль османские провинции в Восточном Средиземноморье, одновременно прокладывая сюда дорогу европейскому (прежде всего французскому) влиянию (Lapidus, 2002: 514–515).

Лишь после Египетских кризисов 1831–1833 и 1839–1841 гг., добившись благожелательного нейтралитета России и прямой вооруженной поддержки со стороны Великобритании, Порты смогла умерить аппетиты Мехмеда Али. Последний только ценой отказа от претензий на гегемонию в Леванте удержал право передавать власть по наследству в своем африканском «вице-королевстве»¹¹. В соседней Триполитании Стамбулу в 1835 г. удалось водворить прямое управление, сместив обособившуюся тут династию беев. Однако в отношении еще одного «варварийского регентства» — Туниса — ему пришлось окончательно оставить любые попытки вмешательства не только во внутреннюю, но и в значительной мере во внешнюю политику здешнего бейского дома¹².

Таким образом, систематизация курса на преодоление дисфункций в существовавшей структуре султаната, которая происходила в царствование сына и наследника Махмуда, Абдул-Меджида I (1839–1861 гг.), находилась в тесной связи с возрастающим давлением извне. Неслучайно в первую очередь усилиями министра иностранных дел Мустафы Решид-паши¹³ подготавливался Гюльханейский рескрипт (*хатт-и шериф*) 1839 г., который провозгласил начало *Танзимат-и хайрийе* (дословно «благотворное упорядочивание»)¹⁴.

К исходу 1850-х годов политика Танзимата достигла многих из своих целей (пусть в гораздо более скромном масштабе, нежели намечалось)¹⁵. В то же время, так и не решив насущных проблем империи, она раздула бюрократический

10. Существуют две в равной мере адекватные формы передачи имени этого деятеля — Мехмед Али (турецкая) и Мухаммад Али (арабская). Предпочтение отдано первой ввиду ее соответствия языку, который был для египетского вали и его семейства родным (так же как в дальнейшем речь пойдет о Мустафе Фазыле, а не о Мустафе Фадиле).

11. Общий обзор «ближневосточного кризиса» 1831–1840 гг. см.: Новичев, 1969: 180–215.

12. Подробнее об эволюции имперской политики османцев в Северной Африке см.: Spencer, 1977: 113–118 (Триполитания), 119–122 (Тунис).

13. Об этой ключевой фигуре (главном инициаторе институциональной «перестройки» Османской империи) см.: Каунаг, 1954. Тесные связи Решиды с европейской, в частности, британской дипломатией вкратце очерчены в Кинросс, 1999: 512–522. См. также: Финкель, 2010: 614–615.

14. Компактное освещение нововведений Танзимата в административной и, шире, институциональной сфере см.: Шабанов, 1967.

15. Неслучайно хороший знаток эпохи М. Сертоглу (Sertoglu, 1973) дает этому «обновлению» броское наименование «Танзиматская революция».

аппарат и придала ему беспрецедентные полномочия¹⁶. Это вызвало отторжение не только у духовных авторитетов из среды *улема* и суфийских наставников, которые пользовались огромным влиянием на религиозно мотивированную часть городского населения, но и у того поколения османских интеллектуалов, которое в это десятилетие вступило в общественную жизнь (Mardin, 2000: 14). Однако мотивация недовольства последних, естественно, выглядела иначе. Причиной было на фоне завышенных ожиданий от «Благотворного упорядочивания» прежде всего раздражение, вызванное «соглашательской», как им представлялось, тактикой, которую избрала Порты по отношению к интересам Лондона и Парижа (Mardin, 2000: 11).

Такая аллергия на бездумное «европейничанье» (*алафрангалык*) объяснялась интенсивным, но неравномерным восприятием нарождающейся бюрократией нового типа «франкских умонастроений»¹⁷. Преклонение перед французским Просвещением, еще не затронувшее непосредственное окружение султана-реформатора Махмуда, при Абдул-Меджиде стало характерным для высшего круга стамбульских вельмож (Mardin, 2000: 107–133). За редким исключением оно не выходило за рамки сугубо технических аспектов (например, в военной сфере и в коммуникационной инфраструктуре) и не распространялось на социокультурные модели (Lapidus, 2002: 495–496). Первые целенаправленные попытки интеллектуально «присвоить» интеллектуальный и политический опыт Западной Европы, переработав его в соответствии с духом ислама и ближневосточной властной традицией, были связаны именно с «новоосманским» кружком.

Рождение «Союза»: кружок, клуб, общество?

Пристальное внимание к становлению, недолговременному существованию и постепенной, почти незаметной дезинтеграции «Общество Союз в рвении» (*Иттифак-и хамийет джемийети*)¹⁸ сразу выявляет в этом ситуативном объединении ярких личностей, совокупность отдельных, драматически вырисовывающихся судеб и индивидуальных наследий¹⁹. Идея создания тайного общества, согласно всем существующим версиям, представленным в первоисточниках (прежде всего в мемуарной литературе), родилась в июне 1865 г. на пикнике в Белградском лесу, неподалеку от побережья Босфора, куда съехались шесть молодых стамбуль-

16. Ход «Упорядочивания», трудности, с которыми оно столкнулось, и противоречия, возникшие в ходе выработки и реализации его программы, подробно освещены в Дулина, 1984.

17. Лучшим исследованием второго периода Танзимата остается Davison, 1963.

18. Перевод «Патриотический союз», который предлагает Ш. Мардин (Mardin, 2000: 10), представляется неточным, в том числе в силу своей анахроничности. Концепции «родины» в национально-патриотическом контексте на османской почве, как станет ясно из дальнейшего, еще предстояло «родиться» (точнее, привиться).

19. На Западе большей популярностью будет пользоваться термин «младоосманы», появившийся, судя по всему, по аналогии с «Молодой Европой» (подробнее ниже).

ских чиновников²⁰. В последующие месяцы к ним присоединились несколько десятков человек, связанных с «дореформенной» османской элитой и происхождением, и в еще большей степени культурной памятью, но заметно выделявшихся на фоне как предшествовавшего поколения, так и современников (в том числе тех, кто находился во власти) по своим мировоззренческим установкам²¹.

Формальными лидерами *Иттифак-и хамийет джемийети* выступили представители оппозиционно настроенной молодежи из сановных семей. Ядро группы составляли Сагырахмед-бей-задэ Мехмед Эмин-бей, Менапир-задэ Нури-бей, Кая-задэ Решад-бей, Субхипаша-задэ Айетуллах-бей и Намык Кемаль-бей (вскоре ставший знаковой фигурой в обществе)²². Краеугольный камень в интеллектуальный фундамент движения заложил Ибрахим Шинаси-эфенди, который, однако, не вошел непосредственно в состав организации.

После первых собраний, происходивших в загородной усадьбе отца Сагырахмед-бей-задэ Мехмеда Эмина — Ахмед Шюкрю-бея (экс-министра почтового и телеграфного сообщения), число участников быстро выросло. Среди них появились младший товарищ Шинаси и Намыка — Эбуззия Тевфик-бей, Мустафа Рефик-бей — первый османский журналист-профессионал, который в 1862 г. руководил изданием научно-литературного журнала *Мират* («Зерцало»), известный публицист Абдул-Хамид Зия-бей, проповедник Эльхадж Али Суави-эфенди, молодой чиновник Чапан-задэ Агях-эфенди и многие другие. Общее число «объединенных рвением» в ближайшие годы составило немногим менее двухсот пятидесяти, среди которых были как гражданские, так и военные сановники.

Большинство из тех, кто составил кружок и примкнул к этому первоначальному ядру, были земляками — стамбульцами — и если не ровесниками, то, по крайней мере, принадлежали примерно к одному поколению — в возрасте от 20 до 40 лет. Уроженцы румелийских (балканских) и анатолийских (малоазиатских) округов среди них находились в явном меньшинстве, а выходцев из других провинций-вилайетов не имелось вовсе, за одним, показательным, исключением (Мустафа Фазыл-паша), о котором речь пойдет ниже. Многие из них подошли к знаковому рубежу своего жизненного пути, уже сделав немалый вклад в османскую литературу и публицистику²³.

Ибрахим Шинаси начал свою карьеру писарем в отделе внешних связей Топханэ («Пушкарни») — главного военно-технического ведомства империи, где благодаря усилиям своего старшего сотрудника Ибрахим-эфенди освоил арабский и

20. Первое монографическое исследование истоков «новоосманского» движения, выдержанное в традициях марксистско-ленинской историографии (Петросян, 1958). Представленная в нем картина значительно скорректирована в: Mardin, 2000 [1-е издание — 1962].

21. В общих чертах «умственные запросы» Абдул-Меджида, его наследника Абдул-Азиза и их непосредственного окружения достаточно рельефно охарактеризованы в: Финкель, 2010: 615–616, 624–625; Кинросс, 1999: 542–559.

22. Подробнее о Сагырахмед-бей-задэ и Субхипаша-задэ см.: Mardin, 2000: 13.

23. О составе «Союза» и изменениях в численности его участников см.: Когау, 1983.

персидский²⁴. Его ментором во французском стал один из руководителей отдела — Решад-бей, в прошлой жизни — граф де Шатонёф, аристократ-лоялист, оставшийся служить османскому двору и принявший ислам. Способности юноши открыли ему путь к быстрому продвижению по службе. В 1849 г., по протекции Шатонёфа и с разрешения садразама Мустафы Решид-паши, Топханэ командировала его для прохождения курсов политэкономии и финансового дела во Францию.

Молодой турок застал Париж в брожении: только что по всей Западной и Центральной Европе прокатилась революционная волна, которая смела Июльскую монархию Луи-Филиппа (1830–1848 гг.), а новый глава государства — принц-президент Луи-Наполеон Бонапарт — пока еще непрочно держал бразды правления в своих руках. Ибрахим быстро завел знакомства в широком кругу французских интеллектуалов самых разных убеждений. Вполне возможно, что уже тогда он вступил в масонскую ложу «Великий Восток», с членами которой и в дальнейшем поддерживал переписку²⁵.

Сложно судить об успехах Шинаси-эфенди в тех науках, осваивать которые он был послан, но его литературные и языковедческие интересы получили сильнейший стимул. С одной стороны, он прилежно посещал собрания поэтического кружка де Ламартина и сблизился с прославленным эрудитом П. Э. Литтре — составителем авторитетнейшего толкового словаря французского языка. С другой — стал другом семьи «дуайена европейских ориенталистов» А. И. Сильвестра де Саси, тесно сотрудничал с его внучатым племянником — блестящим востоковедом А. Ж.-Б. Паве де Куртейлем и даже свел знакомство с Э. Ренаном (Mardin, 2000: 252–275).

Свидетельством признания Шинаси в парижской академической среде (прежде всего, разумеется, как хорошего практического знатока языка и высокообразованного стилиста) стало с 1851 г. членство в языковой секции Азиатского общества. По всей вероятности, еще во Франции он сделал и первые из своих художественных переводов на османский, которые впоследствии принесли ему известность. В 1852 г. I Республика переродилась во II Империю, а уже в 1853-м Шинаси пришел черед возвращаться в Стамбул, на работу в финансовом отделе Топханэ. Очень скоро он издал первый свой стихотворный сборник-диван.

В 1854 г. уникальный для чиновника Порты опыт и в немалой степени покровительство Мустафы Решида, который вновь занимал пост садразама, проложили Шинаси дорогу в Совет по просвещению при Председателе совета министров, а затем — в только что учрежденную Академию наук (*Энджумен-и даниш*). Зави-

24. Многие эпизоды биографии Шинаси (особенно связанные с его пребыванием в Европе) до сих пор не прояснены; основные работы, посвященные ему (Dizdaroglu, 1970; Seçmen, 1972). Родился он в 1826 г., в Стамбуле, в семье капитана артиллерийской службы, который в 1828 г. погиб на Русско-турецкой войне. Мать, несмотря на нужду, после начальной школы определила сына в финансируемое двором училище Фейзийе.

25. Об этом, как и о влиянии французской социально-философской мысли на интеллектуальную среду, в которой зародился официальный (Танзимат) и оппозиционный («Новые османцы») «османизм» как идейный комплекс, см.: Dumont, 1989.

симось от высокого патрона ярко проявилась в том, что даже на время недолгой отставки Решид-паши в 1857 г. он был также отстранен от всех занимаемых постов, а с возвращением Решид-паши в фавор — восстановлен в своих полномочиях. Уйдя с государственной службы, Шинаси продолжал пользоваться благосклонностью высокопоставленных чиновников: после кончины Решид-паши в 1858 г. на него распространил свое попечение Юсуф Кямил-паша, глава Верховного совета по делам правосудия — одного из подразделений Высшего совета Танзимата²⁶.

Все это позволило Шинаси подготовиться к выходу на литературное поприще как интерпретатору французской поэзии. Свои стихотворные переложения отрывков из Ж. Лафонтена, Ж. Расина, А. де Ламартина и Р.-Ш. Жильбера де Пиксе-рекура он в 1859 г. опубликовал отдельной книжкой. В 1860 г. Шинаси издал первое драматическое произведение на османском языке — одноактную комедию нравов «Женитьба поэта», где обыграл не только ходовую тему принудительного замужества, но и условности классической османской поэтики²⁷. При этом в собственных стихах (в 1862 г. он выпустил в свет отдельный сборник касыд и газелей²⁸) он продолжал неукоснительно держаться общепринятых форм.

Почти одновременно с «Женитьбой поэта» Шинаси приступил к реализации проекта, который был новшеством для империи (да и для всего мусульманского мира), — печатный орган массовой информации, существующий на частные средства. Своим ближайшим помощником он избрал еще одну примечательную личность — Чапан-задэ Агяха²⁹. Этому выпускнику Султанской медицинской школы свободное владение французским позволило легко устроиться на место писаря при Порте, а дальнейшие успехи в изучении английского и итальянского послужили основанием для его перехода на пост драгомана в Переводческую палату³⁰.

В сотрудничестве с Чапан-задэ Шинаси в 1860 г. открыл газету «Толкователь событий» (*Терджюман-и ахваль*), но уже в следующем году Агях-эфенди предпочел карьерное продвижение по почтовому ведомству, и сугубо административные обязанности на несколько лет полностью отвлекли его от общественно-политической активности³¹. Шинаси, не в силах один поддерживать на должном уровне «Толкователь событий», закрыл его³². В 1861 г. он организовал новое печатное из-

26. А также переводчик популярных «философических сентенций» из Фенелона «Телемаха».

27. Об идейном новаторстве Шинаси в рамках устоявшейся жанровой системы османской литературы см., например: Окай, 2006.

28. Издание, выполненное на базе латинской графики (Şinasi, 1960b).

29. Агях родился в 1832 г. в Соргуне, в анатолийской *лива* Йозгат, в семье местного крупного землевладельца (аяна).

30. Об этом подразделении османского дипломатического ведомства — одном из важнейших каналов ознакомления имперской элиты с общественной мыслью и техническими достижениями Запада см., например: Ортайлы, 2006.

31. В 1862 г. он стал директором отделения морской связи, где проявил себя энергичным администратором.

32. Передовицы Шинаси в *Терджюман-и ахваль*, наряду со статьями, написанными им для других печатных изданий 1860-х годов, собраны в: Şinasi, 1960a.

дание — «Отображение мнений» (*Тасвир-и эфкяр*), которое скоро трансформировалось в настоящую трибуну западничества³³.

Значительную долю содержания для этого образчика прессы, не имевшего пока аналогов в Стамбуле, обеспечивал как главный редактор сам Шинаси, который в своих статьях проповедовал возрождение османской государственности на новых культурных началах. Одним из важнейших должен был стать язык, который следовало сделать понятным для максимально большого количества читателей. Для этого предназначалась модернизация (точнее, европеизация) стиля с введением последовательной пунктуации и отказом от канцелярского велеречия, а параллельно — очищение турецкого языка от избыточных арабо-персидских заимствований и обращение к сугубо тюркскому лексическому фонду³⁴. Штудии Шинаси в 1863 г. увенчала публикация первого в своем роде собрания «Османских пословиц и поговорок».

Еще более существенным аспектом новаторства Шинаси следует считать переосмысление им для османского словоупотребления целого ряда понятийных категорий в современном (по сути, новоевропейском) духе. Так, существительные «народ» (*халк*) и «нация» (*миллет*) обрели у него позитивную и светскую коннотацию, иначе нюансированную по сравнению с классическим пониманием, которое на протяжении столетий отталкивалось от изначального (в арабском языке) смысла этих слов: *халк* носило нейтральное значение скопища людей — Божьих тварей, а *миллет* — конфессионально определенной группы верующих, религиозного сообщества.

1865 год застал Шинаси на пике журналистской карьеры. Руководя «Отображением мнений», он в то же время часто печатался в только что учрежденной «Военной газете» (*Джериде-йи аскерийе*), тематика которой далеко не ограничивалась армейскими новостями: на ее полосах находили место очерки и разыскания, способствовавшие пробуждению интереса читающей публики к истории вооруженных сил и внешней политики империи. Однако ему пришлось проститься с чиновничьим местом: за острую критику правительственного курса на страницах *Тасвир* султанское правительство освободило его от поста в Совете просвещения. Тем не менее Шинаси успел подготовить себе смену: ему удалось привлечь в газету молодых одаренных людей пера. Одним из них был 25-летний Кемаль-бей, которому предстояло стать самой яркой фигурой среди *Йени османлылар*³⁵. Именно паре

33. Наиболее значимые тексты по политической проблематике, появившиеся на страницах газеты, сведены воедино в *Müntahabat-i Tasvir-i efkar*, 1885.

34. Подробнее об этом см.: Кямилев, 1967.

35. Наиболее подробной биографией Намыка Кемалья является Kaplan, 1948; на русском языке имеется беллетризованное жизнеописание (Стамбулов, 1935). Мехмед появился на свет в декабре 1840 г., в Текирдаге, на западном берегу Мраморного моря. Его отец происходил из знатного, но обедневшего рода, который возводил свою генеалогию к одному из полководцев пращура царствующей династии; мать была дочерью Арнаута Абдул-Лятифа, в то время — заместителя мутасаррыфа Текирдага. Второе имя — *Кемаль* («Совершенство») — младенцу дал наставник соседней суфийской обители. Абдул-Лятифа часто перебрасывали на административные должности по разным провинциальным центрам Анатолии, а зять с семьей сопровождали его, и осиротевший со смертью матери внук так и не закон-

Шинаси — Кемаль суждено будет получить со временем всеобщее признание в качестве основоположников литературы Танзимата.

Намык Кемаль переехал в Стамбул в 1857 г., чтобы поступить на службу в отдел переводов при Таможенном ведомстве, а с 1859 г. перешел в Переводческую палату. Благодаря знакомству со стамбульскими витиями он значительно углубил свои и без того обширные познания в арабской и персидской учености. Так, дружба с Лескофчалы Галибом проложила ему путь в продолжавший традиции «дивана»³⁶ кружок «Собрание поэтов» (*Энджумен-и шуара*), который тот возглавлял. Усложненная манера письма в духе османского «золотого века» (середина XVI — середина XVII в.), которую проповедовали в *Энджумен-и шуара*, предопределила художественные вкусы новичка.

Однако вскоре мировоззрение молодого чиновника коренным образом изменило знакомство с Шинаси, который и привил ему интерес к истории и правоведению, а через эти науки — к началам западной мысли. Как литератор Мехмед Кемаль-бей также переориентировал свои приоритеты в сторону художественной прозы, шедевры которой мог оценить только в оригинале. Для этого он брал уроки французского у одного из писарей Переводческой палаты, куда вернулся в 1863 г. Здесь Намык ближе познакомился с западной культурой, прежде всего через посредство дипломатов, неоднократно посещавших Европу, а также благодаря переводам. Вскоре он уже мог свободно переводить заметки и статьи для *Тасвир-и эфкяр*, но, что гораздо важнее, овладел категориальным аппаратом европейской общественной мысли и благодаря опыту Шинаси научился транслировать его в арабизированной терминологии османского языка³⁷.

На полосах *Тасвир* хорошо известны читателю слова: *хакк* («право»), *ватан* («родина»), *меджлис* («собрание») заиграли новыми, доселе неизвестными смыслами. Так, арабское существительное *ватан*, ранее ассоциировавшееся только с «малой родиной» (местом рождения и домашним очагом), обретает иное измерение, максимально близкое тому, что начиная с XVIII в. культивировалось западной гражданской лирикой (прежде всего французской, ср. *patrie*). Именно Намы-

чил *рюидийе*, получив домашнее образование, базировавшееся на освоении арабского и персидского литературного наследия. В 1855 г. дед и отец Кемалья получили назначения уже в Румелии, и здесь, в Софии, Мехмед Кемаль сделал свои первые шаги в литературе, поначалу ограничивавшиеся более или менее искусным воспроизведением шаблонов османской поэтики; от одного из приятелей деда, ценителя стихотворства, он получил псевдоним *Намык* — «Изящно пишущий».

36. Подробно об *Энджумен-и шуара*, как и о позднеклассической османской литературе в целом, см.: Kabaklı, 1968. Словесное искусство XVI–XVII вв. вращалось главным образом вокруг тончайшей поэтики, которые турки-огузы восприняли из Ирана в XII–XIII вв.: оттачивалось прежде всего совершенство рифмы и сложное плетение вакхических и эротических образов, что внешне парадоксально, но внутренне гармонично сочеталось с мистической символикой и аскетической этикой позднего суфизма. Наличие сборника (диван) версификационных опытов на этикетные темы и в заданных формах считалось своего рода пропуском в среду образованных людей (Гордлевский, 1961). Любовная и благочестивая лирика, панегирики покровителям, медитативные темы находили формальное воплощение в крупных (касйда, маснави) и малых (газель, рубаи) жанрах так называемой поэзии «дивана» (общий обзор см., например: Алькаева, Бабаев, 1967).

37. Главные этапы этой эволюции см.: Mardin, 2000: 283–336.

ку приписывается честь введения категории «свободы» (которая так же, как и понятие «родина», базировалась на французском образце, в данном случае — *liberté*) в политический лексикон османского и, шире, всех языков мусульманского мира, где соответствующее слово (араб.-тур. *хюррийет*) до сей поры обозначало индивидуальную вольность полноправного верующего (в противоположность рабу).

Колонки Намыка постоянно держали читателей в курсе мировой политики, с особым вниманием к актуальным событиям, связанным с польским восстанием 1863–1864 гг. и Гражданской войной в США. Поэтому, когда Шинаси, который внес огромный вклад в подготовку идейного фона для «новоосманского» кружка, но не желал, ввиду все более рискованного характера активности *Иттифак-и хамийет*, входить в его тайную организацию, в 1865 г. решил выехать во Францию, ему было кому передать единоличное руководство *Тасвир*.

Умеренное крыло *Иттифак* возглавил давний знакомый Намыка по *Энджумен-и шуара* — Абдул-Хамид Зияэддин-бей, более известный под поэтическим псевдонимом *Зия* («Сияние»). Путь, пройденный им к сорока годам, несколько отличался от опыта Шинаси и Намыка³⁸. Начав службу с места писца в отделе внешних сношений при садразаме, он в 1855 г. продолжил ее уже секретарем при внутренних султанских покоях.

Синекурой, которой Абдул-Хамид Зияэддин был обязан прежде всего тому же Решиду, он воспользовался, чтобы в дополнение к «мусульманским» выучить еще один язык — «франкский». Успехи его были столь стремительны, что он, не прерывая связей с традиционной словесностью, стал перекладывать европейскую художественную литературу почти одновременно с Шинаси. Сосредоточился он, правда, в основном на научно-популярных работах парижских беллетристов — «Истории арабов и мавров Испании» Л. Виардо и «Истории инквизиции» Шерюэля и Лявелля. Главным же вкладом Зияэддин-бея в ознакомление османского «света» с образцами французского театра был перевод «Тартюфа» Ж.-Б. Мольера (с подзаголовком «Исход двуличия») — первое стихотворное переложение драматургического произведения в истории тюркских литератур³⁹.

Поступательное карьерное восхождение Зияэддина при дворе Абдул-Меджида I прервала кончина Решиды. Судьбы Шинаси и Зия — двух протезе покойного, столь разных и по происхождению, и по послужному списку, внезапно сблизилась. Ни тот, ни другой не поладил с преемником своего патрона — Мехмедом Эмином Аали-пашой, и, отстраненные от исполняемых обязанностей, оба оказались в тени, но если Шинаси предпочел на время погрузиться в филологические изыскания, то Абдул-Хамид Зия откликнулся на события большой строфической поэмой (*терджи-бенд*). Словно суммируя эстетику и символику персианизиро-

38. Родился он в 1829 г., в семье писаря таможи стамбульской Галаты. Закончив Училище словесных наук при соборной мечети Сюлейманийе, Абдул-Хамид параллельно, как многие состоятельные османцы, брал на дому уроки классических языков ислама — арабского и персидского. Свои штудии он продолжил в кружках стамбульских поэтов и улема тех лет и никогда не прекращал их в ходе последующей многолетней карьеры.

39. Подробнее: Айзенштейн, 1968.

ванного стихотворства XVI–XVII вв., она тем не менее с небывалым реализмом отразила изменившийся социальный климат империи: в тесном переплетении абстрактно-метафизического и злободневно-политического последнее часто переходило в едкое осмеяние поверхностной вестернизации и всепроникающей коррумпции властей.

Терджи-бэнд сразу сделал Зия известностью, и новый садразам, очевидно, желая держать его подальше от двора, в 1861 г. определил его послом в Афины, куда он так и не выехал из-за политического кризиса в Греции. В 1862 г. Зия с титулом паши перевели мутасаррыфом на Кипр, но уже очень скоро он подал прошение об освобождении его от этой должности (климат острова губительно сказывался на здоровье его семьи) и после кратковременной работы в Верховном совете по делам правосудия был назначен государственным инспектором в Боснию. На этом месте он также не задержался, и в 1863 г. его назначили мутасаррыфом малоазиатской Амасьи.

На середину 60-х годов XIX в. пришелся критический период в жизни Зия — личной (в течение двух-трех лет он теряет родителей, старшего сына и жену) и общественной (строительная активность, обернувшаяся обвинениями в нецелевых растратах казенных средств). После Амасьи лишь ненадолго (1865–1866 гг.) он задержался на посту управителя причерноморского Джаника. Эти тяжелые для него годы парадоксально (а возможно, закономерно) вызвали ощутимый сдвиг и в его творчестве. Здесь все громче звучали патетика французского Просвещения и идеи, явно воспринятые у энциклопедистов, административные хлопоты не помешали Зия в трудах по переложению на османский «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо, «Телемаха» Фенелона (полностью) и некоторых басен Лафонтена.

Следующий представитель «Союза» вырос в совершенно иной социальной среде, да и более чем двенадцатилетняя разница в возрасте между ним и Шинаси с Зия, по всей видимости, играла свою роль. **Али Суави**⁴⁰ продвигался по чиновничьей лестнице с самых низов, начиная с места писаря одной из воинских частей, расквартированных в Стамбуле. После этого ему довелось еще три года проработать на той же должности в столичной военной инспекции при канцелярии главнокомандующего.

Одновременно Суави начал педагогическую карьеру: в 1857 г. выдержал экзамен на звание «преподавателя первого разряда», через год устроился наставником низшей категории в провинциальном медресе на западе Анатолии, а затем перешел на учительскую должность в *рюидийе* старинной столицы Османидов — Бурсы. При этом, будучи работником светского образования, он, вразрез с официальными предписаниями, принятыми еще при Махмуде, оставался верен головному убору

40. Родился он в декабре 1839 г. в семье стамбульского торговца писчебумажными принадлежностями, родом из Чанкыры, на востоке Малой Азии, а среднее и высшее образование получил в медресе при соборной мечети Шехзадэ (Suavi, 2014). В 1856 г. Али ходил вместе с отцом в мекканское паломничество, что не могло не наложить свой отпечаток на его мировоззрение, придав ему выраженную религиозную окраску.

истинного мусульманина — чалме. И не случайно: одновременно с преподаванием молодой учитель также регулярно выступал с проповедями в Соборной мечети Бурсы. В 1864 г. он перебрался в Румелию, где ему довелось исправлять несколько административных должностей (до 1865-го — председатель коммерческого суда в Софии, затем начальник канцелярии в Филиппополе), а параллельно — опять-таки учительствовать в *рюидийе*. Проповеднический пыл, который Суави проявлял в своих частых выступлениях, привел к тому, что власти вилайета, усмотрев в речах хаджи бунтарский дух, способствовали его увольнению.

В 1866 г. пути блестящего стилиста — журналиста-автодидакта, управленца — популяризатора французской дидактической литературы — и мелкого чиновника, потерпевшего за излишнюю ревность по духу ислама, сходятся в Стамбуле.

Интересы, проекты, идеалы

Общество *Иттифак-и хамийет* отнюдь не ставило под сомнение неприкосновенность фигуры падишаха, при всем противоречивом отношении его членов к недавно взошедшему на престол брату Абдул-Меджида, Абдул-Азиза. Свою конечную задачу они видели прежде всего в формировании той среды, которая призвана была влиять на государя, направляя его деятельность по нужному для державы пути. Обвиняя садразама Мехмеда Эмина Аали-пашу в своекорыстии и притеснениях, участники «Союза» добивались прежде всего назначения главой правительства деятеля, который бы способствовал обновлению политической системы империи на конституционных началах (Mardin, 2000: 12). Большие надежды возлагались на тех высших вельмож державы, которые представлялись им потенциальными союзниками. В ряде случаев (заместитель садразама Юсуф Кямил, губернатор Дунайского вилайета Мидхат-паша) эти чаяния оправдались, но по поводу большинства (прежде всего Фуад-паша) иллюзии развеялись очень скоро. Лишь значительно позже (к началу 1870-х годов) родится смутная мысль о возможности смены носителя верховной власти, которая приобретет конкретные контуры не ранее середины того же десятилетия, когда завяжутся контакты с сыновьями Абдул-Меджида — принцами Мурад-эфенди и Абдул-Хамид-эфенди (Mardin, 2000: 14).

Весьма низкий уровень организационной сплоченности «Общества Союз в рвении» не позволяет отдаленно уподобить его даже «протопартии». Примером для подражания его создателям служило европейское подполье или эзотерические ордена. И если о влиянии карбонариев можно судить только по аналогии, то франкмасонские образцы более очевидны. Значительная часть ведущих членов «Общества» (включая даже Намыка и Суави) состояла во французской ложе «Великий Восток», через которую в основном и действовали в Передней Азии «вольные каменщики». Масоном был и высокий покровитель Шинаси и Зия — Решид⁴¹.

41. На масонском «бэкграунде» «новоосманской» среды сделан акцент в: Akgündüz, Oztürk, 2011.

Обращаясь к главным задачам, которые ставили перед собой участники *Иттифак-и хамийет*, даже при отсутствии внятной политической программы, можно выделить несколько базовых лейтмотивов их публицистики. Прежде всего — установление в Османском государстве конституционного строя и разделение властей по образцу современной им II Империи как средство укрепления самостоятельности державы, доведенной до критического положения произволом падишахов. Точнее — их своекорыстного окружения, которое, разумеется, и служило наиболее удобной мишенью для нападок (Mardin, 2000: 396–397).

Члены *Иттифак* смело (хотя и не всегда продуманно) формулировали свои чаяния, но сама по себе монархическая идея критике подвергаться не могла, и далеко не только по цензурным соображениям. Даже на символическом уровне Османская империя воплощала реализацию мифа о торжестве единоличной воли родоначальника-основателя правящей династии. Вместе с тем оформление современного властного аппарата — адекватного соответствия успешно функционировавшим институтам Запада — требовало радикального переосмысления концепции единодержавия, которое призвано была уравновесить законность, трактуемую через призму либеральных теорий первой половины XIX в. (Mardin, 2000: 397–398).

Юридически санкционировать необходимое государству развитие следовало через законодательно оформленную инициативу — нечто принципиально новое, по сравнению с кодификациями султанских установлений, которые Османская империя знала с первых столетий своего существования. Необходимой предпосылкой для создания такого механизма служило введение парламентской формы правления. Создать благоприятные условия для подъема сельского хозяйства, промышленности и торговли должны были реформы в духе Прогресса. Арабское существительное *таракки*, принятое в качестве эквивалента соответствующему французскому термину, отсылало аудиторию к коннотациям из философии средневекового ислама, где оно обозначало поступательное восхождение растительных и животных видов от материальных к духовным сущностям (Mardin, 2000: 399–400).

Держава мыслилась лидерами «Союза в рвении» исключительно унитарной, и какое бы то ни было самоуправление конфессиональных общин и иноэтнических окраин не рассматривалось в принципе. Тем самым по определению исключалась малейшая возможность найти общий язык прежде всего с руководителями освободительной борьбы славян на Балканах (Mardin, 2000: 15–16). Это, собственно, следовало из этики всеобщего подданства и лояльности по отношению к царствующей династии, предлагавшейся как реформаторами во власти (Фуадом и Аали), так и «Новыми османцами» (в частности, Намыком и Суави)⁴². Верность государю и конституции должна была уравнивать как «османцев» все мусульманское, христианское и иудейское население «богохранимых царств» (Финкель, 2010: 650–651).

42. Об официальном османизме см.: Фадеева, 1985.

При заметной склонности «ревнителей» к деизму (влияние не только Просвещения, но и тысячелетней традиции мусульманской мистической мысли, в частности, суфизма) ислам как религия представлял для них незыблемую ценность, более того — возможную нить сближения с единоверцами за пределами империи. Намык, например, до конца жизни лелеял идею объединения всего исламского мира под эгидой османского властелина, которое будет способствовать приспособлению и распространению современной цивилизации в Азии и Африке и противостоять гегемонистским поползновениям европейцев. Архитекторы Танзимата заслуживали, с его точки зрения, всяческого осуждения за то, что, идя на поводу у Запада, недостаточно считались с мусульманством как политическим кредо (Финкель, 2010: 654–655).

Однако в отличие от последующих десятилетий, *Иттифак-и хамийет* не делала серьезного упора на объединительные мотивы (получившие позднее от европейских журналистов броское, но, по сути, бессодержательное определение «панисламизма»). В культурной сфере ее сторонников сближало общее, хотя и смутное пока понимание задач языкового строительства: ратуя за упрощение письменного языка, в собственном творчестве они продолжали придерживаться усложненного арабизмами и иранизмами «красноречивого» турецкого.

Из подполья в изгнание: амбиции «Молодой Турции»

К началу 1866 г. участники *Иттифак-и хамийет* чувствовали себя настолько уверенно, что организовали одно из своих собраний в Айя-Софии и уже согласовывали состав предполагаемых претендентов на министерские посты. Важнейшим пунктом расхождения для них стало вполне ожидаемо определение того лица, которое должно было сменить в должности садразама ненавистного им Мехмеда Аали-пашу. Здесь в полной мере дал о себе знать приоритет семейственности, столь глубоко укоренившийся в османской политической жизни. Сагырахмед-бей-заде Мехмед, неформальный лидер «Союза» (полунасмешливо прозванный «Революционер»), прочил в главы правительства своего дядю, Махмуда Недим-пашу, в противоположность своим соратникам, которым более предпочтительной казалась кандидатура видного интеллектуала Ахмеда Вефик-эфенди. Такая активность не могла не обратить на себя внимания властей. В мае 1866 г., во время очередного собрания — на сей раз на борту судна *Махмудийе*, часть руководителей общества подверглись аресту.

С начала 1867 г. достигли максимального накала политические страсти не только вокруг *Тасвир-и эфкяр*, но и еще одной независимой стамбульской газеты — «Корреспондент» (*Мухбир*), которую в феврале основал уроженец месопотамского Диар-Бекира, Шахин-оглу Филипп-эфенди, пригласивший на пост редактора Эльхадж Али Суави. Последний по возвращении в Стамбул вступил на поприще публициста, не оставляя еженедельных выступлений в знакомой ему с детства мечети Шехзаде, где его упражнения в красноречии собирали многочисленных слу-

шателей. Излюбленной темой Суави служили близкие ему вопросы образования: в «Корреспонденте» из-под его пера выходили материалы, задавшие тон всей последующей «актуальной» журналистике на османском языке.

В начале 1867 г. в Стамбуле впервые прозвучало словосочетание «Новые османцы» (*Йени османлылар*). То был вольный перевод французского словосочетания *Jeunes Turcs* («Младотурки»)⁴³ — так в двух публикациях в европейской прессе обозначил свою будущую опору выходец из правящего дома Египта, бывший везир Мустафа Фазыл-паша. То был своеобразный сигнал недовольства от представителя придворной элиты, мотивированный, прежде всего соображениями собственного престижа и выгоды.

Интерес внука Мехмеда Али-паши к сообществу интеллектуалов, недовольных властями предрержащими, был вполне своекорыстен. Незадолго до того османский султанский фирман пересмотрел порядок престолонаследования правившей Египтом династии хедивов (в европейских источниках — вице-короли)⁴⁴. В результате шансы Мустафы Фазыла занять трон хедива после смерти своего брата Исмаил-паши оказались сведены к нулю. Он воспринял это как покушение на свои личные права и стал действовать против Абдул-Азиза, точнее — против садрама Мехмеда Эмина Аали и министра иностранных дел Фуада, в чьих интригах видел подлинную причину ущемления своих прав. Оказавшись в опале, он перебрался в Париж и в самом начале 1867 г. установил контакт с членами *Иттифак-и хамийет*.

Поводом к публикации первого из писем послужила статья в бельгийской газете *Le Nor* («Север»), которая объявляла, что египетский вельможа связан с германо-еврейским финансовым капиталом и планирует открыть частный банк. В феврале, под предлогом опровержения, Мустафа Фазыл поместил на полосах стамбульской франкоязычной газеты *Курье д'Орьян* («Вестник Востока»), издатель которой, эмигрант-корсиканец Джампьетри, тесно сотрудничал с ним, небольшую заметку. В ней он, отвергая обвинения, заявил о своей готовности возглавить новое поколение думающих «молодых турок», среди которых зреет недовольство сложившимся в империи положением (Sungu, 1940: 777).

Турецкую версию импровизированного памфлета почти сразу перепечатал *Мухбир*. Его примеру вскоре последовал и *Тасвир-и эфкяр*, в котором и появился первый перевод словосочетания «молодые турки», что показательно, перифрастический, ввиду в целом пейоративных коннотаций, связанных в сознании

43. Оно было, в свою очередь, наваяно прежде всего произвольной аналогией с *Jeune France* («Молодой Францией») — названием кружка парижских романтиков начала 1830-х годов (в него входили Ж. де Нерваль, Т. Готье, П. Борель), а также издававшейся в те же годы радикальной республиканской газеты. Помимо перевода (*Йени османлылар*), в османском языке сразу же стала циркулировать прямая калька с французского — *жён-тюрк*. Как и исходная форма, она поначалу связывалась не с конкретной политической группировкой, а со всей совокупностью либерально мыслящих подданных султана — явных и тайных сторонников конституционного режима. В дальнейшем это прозвание охотно применяли к себе столь разные представители «новоосманского» сообщества, как Намык и Суави. Лишь с 1890–1900-х годов такое словоупотребление (и то преимущественно в европейских языках) прочно свяжется с конкретной организацией — «Комитетом Единение и Прогресс» (иттихадистами).

44. Подробнее об этой коллизии см.: Финкель, 2010: 645–646.

османской элиты с этнонимом «турки» («ведущие представители молодежи Туркестана») (Sungu, 1940: 778). Решение Намыка обнародовать от своего имени и оставшихся на свободе членов движения — Эбуззия Тевфика и Садуллах-бея, открытое письмо Фазыла произвело глубокое впечатление на явных и тайных сторонников группировки, но еще больше ужесточило правительственный курс в отношении «вольнодумцев», за которыми, как полагали в Порте, вполне могли стоять британские или французские интересы, тем более что скандал получил продолжение. В следующем открытом письме Мустафы Фазыла, опубликованном в марте газетой *Либертэ* («Свобода»), печатавшейся на его собственные средства, громкие заявления о критическом положении государства и необходимости комплекса реформ сопровождалось призывами к водворению конституционно-парламентских порядков и личными обвинениями Мехмеда Аали и Фуада в невежестве и продажности⁴⁵.

Не прошло и нескольких недель, как *Тасвир* пал жертвой цензуры — формальной причиной стало резкое осуждение уступок Мехмеда Аали-паши греческим повстанцам в отношении автономии Крита. Приостановка выпуска газеты на месяц только увеличила спрос на нее, по сравнению с остальными стамбульскими печатными СМИ. Поводом для ее окончательного закрытия послужила статья главного редактора — Намыка — «Восточный вопрос», броско критиковавшая растущую зависимость империи от западных держав. Правительство, по всей видимости, получив сведения о продолжающейся активности тайного общества, вознамерилось удалить Намыка из столицы через назначение его помощником вали в Эрзурум, но он нарочно затягивал свой отъезд.

Не менее щекотливым было положение Зия, который с 1866 г. вновь состоял одним из членов Верховного совета по делам правосудия. На его запрос о предоставлении отпуска на лечение во Франции Аали ответил рекомендацией ждать поездки экономической комиссии от империи на Международную выставку 1867 г. в Париже, а вскоре вторично назначил его вали Кипра. Помня о своем предыдущем болезненном опыте (он только что похоронил жену), Зия наотрез отказался, и хотя ему была предложена альтернатива — ехать мутасаррыфом на Родос, он отверг и ее. Как раз в это время стало известно о его связях с «Союзом во рвении», и он окончательно попал в немилость после того, как было установлено его авторство публиковавшихся в *Мухбир* материалов с критикой османской внешней политики.

Почти одновременно был на месяц закрыт и *Мухбир*, а Суави — арестован и затем выслан в анатолийскую глубинку — Кастамону. И помимо публикации скандальных писем опального вельможи, поводов для взыскания, с точки зрения Порты, он предоставил достаточно. Ни в устных, ни в письменных излияниях не скрывая своего раздражения экстравагантным поведением Абдул-Азиза, ведущий колумнист «Корреспондента» яростно нападал на садразама за недостаточную ре-

45. Подробное рассмотрение содержания статей Фазыла в контексте его весьма противоречивых общественно-политических взглядов см.: Mardin, 2000: 276–283. Там же: Mardin, 2000: 277–278 — о спорном авторстве «открытого письма».

шительность в критском вопросе и пересмотр политики в отношении Египетского дома⁴⁶.

Контроль правительства над прессой особенно ужесточился в апреле, на фоне событий в Сербии, где османский гарнизон без боя сдал Белград администрации Обреновичей⁴⁷. Все это подвигло Аали-пашу на обнаружение первого в османской истории постановления с формальным ограничением свободы прессы⁴⁸. В этой обстановке осторожный Шинаси, который только что вернулся в Стамбул из Франции, вскоре покинул его опять. На два года он полностью посвятил себя научным изысканиям (прежде всего — по тюркской лексикографии) в Парижской Национальной библиотеке с ее богатейшими фондами восточных рукописей.

Тем временем Фазыл-паша послал в Стамбул своего эмиссара с предложением для Намыка и Зия переехать в Париж, чтобы продолжить там издание оппозиционной газеты, обещая щедрые субсидии. Через считанные недели оба публициста сделали выбор в пользу эмиграции. Получив их согласие, Фазыл сообщил им, что они вольны назвать также имена тех, кто еще был бы полезен общему делу. Таковыми оказались Агях и Суави. Поставив сочувствовавшего им Мидхат-пашу в известность о планирующемся отъезде, оппозиционеры при содействии посла Франции, обеспечившего им неприкосновенность на пароходе под триколором, покинули Османскую империю. В сицилийской Мессине к ним присоединился Суави: он бежал из кастамонийской ссылки в Стамбул, откуда выехал с помощью Джампьетри.

Эмиграция: «Корреспондент», «Свобода» и «Науки»

В мае 1867 г. беглецы съехались в Марсель, откуда отправились в Париж, где первым делом нанесли визит в резиденцию Мустафы Фазыла. По своему старшинству он был избран главой восстановленной организации (вождем «Новой Турции» он провозгласил себя во французской прессе еще раньше); примечательно, что заместителем его «новые османцы» сделали польского политэмигранта В. Плятера. С «новыми османцами» поддерживал тесные контакты один из сотрудников османского посольства Канипаша-задэ Рафет-бей.

Непредвиденные обстоятельства существенно скорректировали планы Зия и Намыка. В связи с проходившей в Париже летом 1867 г. Международной выставкой город должен был посетить султан Абдул-Азиз, и они, вняв предупреждению, вынесенному французской полицией, на июнь удалились в Лондон⁴⁹. Здесь их пути

46. Анализ стратегии, использованной Аали для предотвращения военно-дипломатического кризиса 1867–1868 гг., прозвизвшего османским позициям по всему Восточному Средиземноморью см.: Davison, 1977.

47. О вызванном этим «унижением» резонансе см., например: Финкель, 2010: 636.

48. Краткое, но весьма содержательное обозрение истории османской цензуры во второй половине XIX в. (с акцентом на положение в левантинских провинциях империи) см.: Farah, 1977.

49. Об османском участии в международных выставках (с 1830-х годов) и его символической составляющей см.: Финкель, 2010: 623–624.

опять пересеклись с маршрутом кортежа державного гостя, который продолжил свою поездку до берегов Туманного Альбиона. Новоявленные политэмигранты временно укрылись на английском курорте Брайтон, где Зия, недавно лишенный за измену титула паши, решился на дерзкий шаг: составил на имя султана докладную записку, в которой яростно критиковал и высмеивал Аали.

Только после отъезда Абдул-Азиза организация возобновила свое функционирование и даже приняла некое подобие программы действий, в которой видное место заняло развитие издательского дела. В августе 1867 г. Намык и Зия при Суави в качестве главного редактора возродили *Мухбир*, номера которого быстро начали распространяться по территории Османской империи. Противоречия между членами группы не заставили себя долго ждать. С самого начала наметились две основные позиции относительно достижения политических целей. Если Фазыл и Суави склонялись к необходимости революции и насильственного захвата власти, то Намыка и Зия объединяла точка зрения относительно приоритетности борьбы идей и решения задачи сочетания религиозного и мирского начал в османском контексте.

Однако радикализм Фазыла оказался на деле гораздо ближе к дипломатическому шантажу: принц уже постепенно искал путей компромисса с Абдул-Азизом, а скоро и возвратился вместе с ним из Европы. Теперь уже бескомпромиссная позиция Суави вызывала у главного спонсора эмигрантов только недовольство. В ноябре 1868 г. *Мухбир* перестал выходить за неимением средств.

Еще в июле того же года троица «Молодых османцев» начала издавать собственную газету — «Свобода» (*Хюррийет*), в первом номере которой Намык поместил передовицу, озаглавленную словами хадиса (речения пророка Мухаммада) «Любовь к родине (*ватан*) — от веры (*иман*)» — отныне не просто лозунг, но и прямая религиозная санкция «мусульманского патриотизма» нового времени. Тот же номер украсила статья с ядовитыми нападками на османский кабинет министров, вызвавшая раздражение Фазыла, теперь окончательно переселившегося в Стамбул. Он пригрозил редколлегии прекратить финансирование, а то и вовсе закрыть газету. Фуад потребовал от османского посла в Лондоне пресечь деятельность эмигрантов, предварительно согласовав позиции с британским правительством.

Вскоре Зия разразился пародийным «Толкованием книги побед», где глумливо воспел «славные свершения» Аали. В сентябре вышло еще несколько номеров «Свободы», в одном из которых он опубликовал свое ставшее программным эссе «Поэзия и сочинительство». Его пафос заключался в необходимости для людей пера говорить на языке, вполне понятном большинству грамотного населения. Впервые в истории османской словесности открыто ставилась под сомнение ценность классической и постклассической литературы XVII–XVIII вв., вдохновленной арабо-персидскими образцами, а подлинно турецкой литературой было признано простонародное стихотворство тюрков Анатолии — идея, которой впо-

следствии «изменил» сам автор, но которая определила характер культурно-лингвистический аспект тюркизма первых десятилетий уже следующего века.

Султанские дипломаты все же не раз добивались от правительства Ее Величества временного прекращения работы *Хюррийет*, а в 1869 г. она, казалось, перестала выходить окончательно. Более того, Зия — предполагаемый «возмутитель спокойствия» — подвергся в Великобритании полицейскому преследованию и задержанию и был выпущен только под денежный залог. Скоро, однако, «Свобода», получив дополнительное финансирование — на сей раз от противника Фазыла, хедива Египта Исмаил-паши, снова вышла в печать. Более того, ее номера с открытыми призывами к подданным султана требовать от своего государя введения конституции даже подпольно провозились в пределы империи.

Наметилось размежевание между двумя движущими силами проекта. Если публицистике Зия придавала яркую личностную окраску его неприязнь к Аали, которого, как и его подчиненных из различных министерств, он винил во всевозможных злоупотреблениях, то подход Намыка был скорее концептуальным: он предпочитал говорить о разложении самого режима, вызванном неограниченной личной властью падишаха. И если Зия нередко переходил на персональные выпады против Аали, что вполне устраивало хедива Исмаила, который не ладил с садразамом, то Намык, не поступаясь последовательностью, не щадил самого правителя Египта.

В конечном итоге в сентябре 1869 г. Фазыл, снова выйдя на Намыка, подтолкнул его с командой к выходу из редколлегии *Хюррийет*. Оказавшись в стесненном положении, Зия рассчитался по долгам за средства, затраченные на издание газеты, и перебрался в Женеву, где, теперь уже при материальной поддержке Исмаил-паши, продолжил выпуск «Свободы», который в дальнейшем перенес в Лондон. Здесь он, по сути, превратил газету в орудие личной мести главе османского правительства, что не могло не причинить ему хлопот.

После публикации желчного памфлета Суави «Курс Аали-паши», где автор прямо призывал к физическому устранению садразама, Зия был повторно арестован, отпущен только под залог, а затем бежал во Францию, откуда в апреле 1870 г. переехал в Швейцарию. Здесь он пробовал возобновить публикацию *Хюррийет* в печатне с устаревшим литографическим оборудованием, но уже в мае предпочел свернуть дело. Провалилась и попытка создать собственный журнал. Умонастроение Зия в этот тяжелый для него год отразилось в многосоставной строфической поэме (*теркиб-бенд*, сходный по тематике с предшествовавшим ему терджи-бендом), где он, сочетая старинные мотивы ближневосточной дидактики с остроумным обыгрыванием современных ему реалий, размышляет о пределах свободы, данной человеку свыше, ее соотношении с присущим ему деятельным, творческим началом и ее ограничении Божественным произволом.

Суави и Намык с 1869 г. обосновались в Париже: первому предстояло провести во Франции несколько лет, второго ждали более тревожные годы. Вскоре между ними также произошла решительная размолвка. Она назрела давно, еще с про-

шлого года, когда Намык и Зия потребовали от хаджи, не в меру пылкого в своей ревности по исламу, не связывать более свои публикации в *Мухбир* с обществом «Новых османцев» и запустили собственный проект — *Хюррийет*. Теперь же пути бывших сотрудников окончательно разошлись: в ближайшие годы они практически не будут общаться между собой.

Уже в Лондоне Суави сблизился с «Комитетом Форин-оффис» — группой британских политиков-«туркофилов» (ведущей фигурой среди них был знаменитый Д. Уркварт): он не только участвовал в их собраниях, но и издавал, при их посредничестве, свои работы, написанные в Европе, и публиковал статьи в курируемых ими журналах и газетах. После переезда в Париже он организовал очередное печатное издание — «Науки» (*Улюм*), в котором, несмотря на заявленную им скорее интеллектуальную, нежели политическую миссию, громил не только официальные власти, но и своих бывших соратников, выставляя их врагами «нации» (миллет); в нем же он в 1870 г. опубликовал свои воспоминания.

Крах II Империи далеко не благоприятствовал процветанию эмигрантской прессы. Кровавые события Парижской коммуны и Франко-прусской войны заставили Суави в 1871 г. переехать в Лион и перевести «Науки» в формат временно издающегося листка для бывших подписчиков. Фиаско закончилась и попытка выпускать газету по-французски (*Ля Републик*), где одним из первых в истории ближневосточной политической мысли нового времени он попытался описать систему, при которой большинство населения сможет свободно и на законном основании выдвигать требования к власти имущим.

Журналистика отнюдь не стала единственной сферой приложения кипучей энергии Суави, который продолжал в изгнании свою просветительскую миссию, подкрепляя ее теперь разносторонней эрудицией (ей он не в последнюю очередь был обязан парижским книгохранилищам). Сказывалось сознательное восприятие и реинтерпретация опыта британского парламентаризма и французской социальной философии, с которыми он имел возможность познакомиться не понаслышке. Здесь, в интеллектуальном средоточии западного мира, ничто не мешало ему жадно собирать материалы для задумывавшихся им научно-справочных трудов.

Так и не получив в юности завершеного образования в медресе, Суави, по сравнению с другими «новыми османцами», много и охотно писал на религиозные темы, часто призывая к преобразованию ряда практик и установлений ислама. Горячо ратовал он за допущение к использованию в главной части пятничной проповеди — риторического символа единства суннитов, — языков других народов мусульманского мира, помимо сакрального арабского, чтобы сделать ее понятной для большинства населения данной местности. Эту идею впоследствии развил виднейший представитель исламского реформизма Джамал ад-Дин ал-Афгани (1838–1897).

Многосторонняя деятельность Суави легко оборачивалась противоречиями во взглядах: будучи глашатаем единения мусульман, он порой выступал противни-

ком династического султаната и даже идеи халифата и делал акцент на благотворности парламентской демократии, более того, в ряде случаев отстаивал позиции, которые ассоциировались с секуляристскими идеалами. Так, отвергая неограниченную власть государя (которую он определял европейским термином «монархия»), Суави настаивал на том, что подлинно исламское государство должно зиждиться на принципах совещательности (*мешверет*) и выборности его верховного главы «общественностью» (*джумхур*).

Под впечатлением от продвижения России в Центральной Азии Суави обнаружил в Париже историко-географический очерк «Хива в мухарраме 1290 г. хиджры [март 1873 г. н. э.]»; там же появился сатирический памфлет «Личные записки Аали-паши». На балканские восстания 1876 г. он мгновенно откликнулся франкоязычными брошюрами «Черногория» и «К вопросу о Герцеговине». В то же время Суави засел за «Словарь наук и познаний», который ему не суждено было завершить; речь идет о первой попытке создания энциклопедии современного типа на турецком языке. В более каноническом для арабо-мусульманской учености ключе выдержан этико-дидактический двухтомник «Охота за потерянным».

Переломный момент для мировоззрения Суави обозначило постепенное созревание представлений, которые, при дальнейшей эволюции, генерировали первые, пока еще слабые ростки тюркистской идеологии. Особо пристального внимания заслуживают его «Разыскания по истории тюрков», в которых, как и в «Хиве в мухарраме 1290 г.», автор, пожалуй, первым среди османских интеллектуалов делает акцент на необходимости изучения центральноазиатской прародины тюркомонгольских племен для адекватного понимания их прошлого. Идея, несомненно, воспринятая от западных ориенталистов, но впоследствии давшая богатые плоды на ниве пантюркизма. Так, в «Хиве» Суави подчеркивал существование особого тюркского мира и исторического пространства, лежащих за пределами Османской империи, которые занимают особое место в общей картине прошлого анатолийских мусульман. Первым из османских мыслителей он заговорил о ключевой роли «тюркской расы» в становлении империи, сделав упор на ее военно-политических и культурных свершениях, которые поставили ее впереди многих народов земного шара⁵⁰.

Логической частью рассуждений о месте тюркского элемента в интеллектуальной жизни мусульманского мира становится утверждение древности, самобытности и совершенства турецкого/тюркского языка (*лисан*). В османском, как и в европейских языках, эти два прилагательных полностью совпадали, и Суави чаще предпочитал говорить не о *лисан-и османи*, а о *лисан-и тюрки*. В своих памфлетах и просветительских очерках он пытался выработать стиль и фразеологию, максимально близкие к разговорным, эпизодически даже выступал за замену арабской графики латинской, более того, не останавливался и перед тем, чтобы предлагать чтение коранических текстов по-турецки во время соборной молитвы. Этим он

50. См., например, статью «Интеллектуальные устремления тюрков» (№1, с. 2–3), цитируемую *in extenso* в: Sungu, 1940: 800–801.

предвосхитил кемалистскую реформу письменности 1920-х годов и последовавшие попытки, правда, неудачные, лингвистически «отуречить» официальный ислам, хотя, в отличие от раннереспубликанских лидеров, неизменно искал для легитимации своих проектов санкции религиозного порядка.

Намык же, разъезжая между Парижем, Веной и Брюсселем, не только выпускал тираноборческие брошюры, которые тайно провозились через османскую границу, но и продолжил перевод классиков европейского либерализма, среди которых особое место занимал Монтескье со своим «Духом законов», а также Руссо. Не осталась без его внимания и лирика Гюго, которая вообще оказала решающее воздействие на становление турецкого романтизма. В это время он превратился в главного интерпретатора западной общественной мысли в османском мире, «Поэта родины и свободы» по преимуществу. Красноречивый провозвестник конституционализма *à la turque*, Намык попытался (далеко не без внутренних противоречий) сочетать этот новый комплекс ценностей с идеалами мусульманской державности и апелляцией к славным страницам имперской истории. Расширению круга его знакомств, по всей видимости, могло способствовать и его членство в ложе «Великий Восток». В отличие от Зия, отношения Намыка с Аали не были омрачены личными счетами, что позволило им в конечном итоге примириться. В 1870 г. он, через посредников, получил, при условии держаться вне политики и отказаться от журналистской работы, разрешение вернуться в Стамбул, которое было для него весьма кстати после временного разрыва с Суави и охлаждения с Зия.

Возвращение на родину: «Новые османцы» после «Союза»

Большинству эмигрантов пришлось ожидать амнистии сентября 1871 г., связанной с кончиной их главного политического противника — бывшего садрама Аали (Фуад ушел из жизни в 1869 г.). Многие возвращались, чтобы, вымолив прощение у падишаха, занять высокие посты. Другие активно включились в борьбу за конституцию (*мешрутийет*), которая разрабатывалась главным образом усилиями Мидхат-паши — первого председателя Государственного совета (с 1868 г.)⁵¹. Иной путь выбрал Шинаси, который ранее эпизодически сотрудничал с «новоосманскими» лидерами, но с 1869 г. безвыездно поселился в османской столице, где основал собственную типографию для публикации своих трудов. Занимаясь исключительно литературной работой, он жил отшельником: смерть в сентябре 1871 г. прервала его работу над большим толковым словарем турецкого языка, который так и не был опубликован.

Среди прочих право вернуться получили Чапан-задэ, который пять лет назад пожертвовал блестяще начинавшейся карьерой управленца ради многотрудного

51. Самым обстоятельным жизнеописанием этого выдающегося администратора и политика по-прежнему является, невзирая на апологетический тон (автор — сын главного героя): Ali Haydar Midhat Bey, 1908.

опыта работы в эмигрантской прессе (как в *Мухбир*, так и в *Хюррийет*), и Зия, который через своего давнего знакомого Недима представил Абдул-Азизу сложенную в его честь касыду. В 1872 г. за ними последовал «Революционер» Мехмед Эмин-бей. Суави увидит берега Босфора только через четыре года: власти дали согласие на его возвращение с одним условием — он не должен появляться в Стамбуле. Из-за этого хаджи сразу отверг его и остался в Париже.

Судьбы возвратившихся в ближайшие годы сложатся по-разному. Мустафа Фазыл, окончательно восстановив доверительные отношения с Абдул-Азизом, спокойно прожил в Стамбуле до самой смерти в 1875 г. Агях был назначен мутасаррыфом на одном из островов Эгейского моря. Зия также вплоть до 1876 г. занимал различные высокие должности (в том числе председателя Исполнительного комитета при Верховном совете по делам правосудия и члена Государственного совета), но часто испытывал серьезные материальные затруднения. Как литератор он, открыто не высказывая конкретной общественной позиции, отразил свои поэтические вкусы в трехтомной антологии арабской, персидской и тюркской классики «Трущобы»⁵², опубликованной в 1874–1875 гг.: его видение стихотворного мастерства изложено в версифицированном введении, где он имплицитно отрывается от мыслей, высказанных шестью годами раньше, в пользу изощренных канонов «дивана».

У Намыка тот же период наполнен разносторонней активностью и пионерскими пробами пера. Среди них — статьи в первой османской ежедневной газете «Садик» (*Хадика*), которую выпускал Тевфик-бей, и анонимные фельетоны в юмористическом журнале «Диоген» (*Диожен*), который с 1870 г. издавал каппадокийский грек Теодор Касаб. После кончины Аали подготовленные Намыком материалы появлялись на страницах многочисленных печатных изданий, резкому росту числа которых способствовала относительная либерализация цензурных ограничений: «Прозрение» (*Басирет*), «Единение» (*Иттихад*), «Правдивость» (*Садакат*), «Время» (*Вакит*), «Репортер» (*Мухаррир*)⁵³. В августе того же 1872 г. он, вместе с Тевфиком, открыл в столице новую газету, с откровенно революционными лозунгами, — «Назидание» (*Ибрет*). Агрессивная критика в адрес преемника Аали, Махмуда Недима, обрекла ее на скорое закрытие. Самого Намыка отослали из Стамбула под предлогом назначения мутасаррыфом в Гелиболу.

Несколько месяцев почетного изгнания только укрепили бойцовский дух «Поэта свободы», который проявил себя как неплохой администратор (в частности, модернизировал городскую систему водоснабжения), а весь досуг отдавал литературным трудам, продолжив тайное сотрудничество с *Хадика* и *Ибрет*. На берегах Дарданелл вызрел важнейший художественный текст Танзимата — историческая

52. Полуразрушенные городские окраины на символическом языке ближневосточной лирики — это место, где блуждают гуляки, презирающие порядок, и изготавливают сверхъестественное вино зороастрийские жрецы — маги (олицетворение наставников в подлинной, не книжной истине), а под руинами хранятся сокровенные клады.

53. Основные тенденции в развитии османской прессы за эти годы охарактеризованы в Желтяков, 1972.

драма «Родина, или Силистрия», первое художественное воплощение турецкого патриотизма. Романтически изображая пограничную службу на дунайских рубежах кануна Крымской войны и оборону важнейшей стратегической крепости от наступающих русских, она впервые в османской литературе делает акцент на героизме офицера регулярной армии как защитника в первую очередь не ислама, а родины.

Свои размышления по социально-экономической проблематике Намык изложил в форме набросков на страницах «Рассыпанных листков» — объемистого свода небольших заметок, рассуждений на заданную тему и маленьких трактатов. Вдохновение он черпал в окружающем пейзаже Галлипольского полуострова, овеянного героическими воспоминаниями о возвышении Османидов. В эти дни изгнанник не раз посещал селение Болайыр, где, по преданию, упокоился Гази Сюлейман-паша — младший сын брата и преемника основателя династии — Орхана (1326–1359 гг.), который первым переправился через Дарданеллы на европейский берег.

Погружение «Поэта свободы» в историческую героиню (можно назвать ее «протонациональной», поскольку он избирает своими протагонистами деятелей османского прошлого) ознаменовали также очерки «Эпоха завоеваний» и «Молния побед». В галерее великих образов его больше всего привлекали завоеватель Византии Мехеммед II (1451–1481 гг.) и покоритель Египта и Сирии Селим I (1512–1520 гг.), которые символизировали для него открытость молодой империи к новшествам и разнообразию и пик ее внешней экспансии. Видению минувшего у Намыка придало особый, романтизированный оттенок знакомство с работами европейских историков, которые в XIX в. все еще испытывали обаяние личности доблестного соперника крестоносцев — Саладина. Этому рыцарственному вождю джихада он посвятил небольшую монографию, которую, так же как очерки о Мехеммеде и Селиме и этюд «Осада Канижи» (о событиях Осmano-габсбургской войны начала XVII в.), включил в «Рассыпанные листки». Сюда же вошло жизнеописание эмира Науруза, монгольского полководца — «делателя царей» в Иране конца XIII в., личность которого Намык идеализировал по причине его симпатий к исламу.

В конце 1872 г. Намыка по ничтожному поводу сняли с должности мутасаррыфа, и, вернувшись в Стамбул, он возобновил издание *Ибрет*, которое, однако, неоднократно прерывалось в связи с очередными эскападами редактора в адрес властей. К началу 1873 г. ему оставалось только устремиться на поприще драматургии. В апреле инсценировка в стамбульском театре «Гедик-паша» «Родины, или Силистрии» в постановке А. Вардовяна — руководителя первой театральной группы в Османской империи, имела бурный успех, но спровоцировала и массовые беспорядки, которые получили освещение и в материалах, публиковавшихся на страницах «Назидания». В драме сквозило неприкрытое негодование вялостью и безответственностью высшего командования и намеки на грозящее безопасности империи предательство и преступную халатность администрации.

Все это повторно привлекло к автору внимание властей. *Ибрет* была закрыта окончательно, «Силистрия» попала под общий запрет, наложенный весной 1873 г. на сатирическую печать (Финкель, 2010: 662). За «вредоносную издательскую деятельность» Намыка без суда и следствия на три с лишним года выслали в кипрскую Фамагусту, на безвыездное пребывание под наблюдением. Изгнание постигло и четырех его соратников (в их числе Эбуззия, которого отправили на Родос, и Менапир-задэ Нури — в палестинскую Акку).

Этот удар, как и предыдущие, Намык перенес с достоинством, продемонстрировав в очередной раз недюжинную силу духа. Несмотря на тяготы заключения и мучительные периоды страданий от болезней, вызванных влажным климатом Фамагусты, он сосредоточился на писательском труде, что принесло свои плоды — пьесы «Бедный ребенок» (1873 г.), «Акиф-бей» (1874 г.), «Гюльнихаль» (1875 г.) и целый ряд критических статей. Уже после освобождения бывший заключенный придаст законченную форму первому опыту турецкой новеллистики — роману «Последнее раскаяние», который, однако, был напечатан анонимно и с серьезными купюрами, под неавторским названием «Пробуждение, или Приключения Али-бея»⁵⁴.

В едином шаге от власти: делатели султанов и Основной закон

1876 год принес конституционалистам кратковременное торжество, увенчавшееся в мае назначением Мидхат-паши на пост садразама⁵⁵. События вначале разворачивались благоприятно для группировавшихся вокруг Мидхата «новых османцев». Их поддерживала значительная часть армейского офицерства, под влиянием сочувствовавших движению представителей генералитета (прежде всего главнокомандующего вооруженными силами — сераскера — Хюсейна Авни-паши и командующего сухопутными войсками Сюлейман-паши) (Финкель, 2010: 657–658; Devereux, 1963: 21–34).

В июне дворцовый переворот низложил Абдул-Азиза и возвел на престол его племянника — Мурада V, который сразу же амнистировал «Поэта родины», и после его триумфального возвращения в столицу сделал его своим личным секретарем. Зия новый государь предоставил должность советника по делам просвещения, в то время как Садуллах получил престижное место главного секретаря двора (Финкель, 2010: 659–660; Devereux, 1963: 34–40). Однако последующие три месяца показали полную неспособность Мурада, подверженного сильным нервным припадкам, заниматься государственными делами (Devereux, 1963: 41–45). В сентябре его сменил еще один сын Абдул-Меджида, Абдул-Хамид, который в ноябре созвал Конституционное собрание (Devereux, 1963: 46–50).

54. Максимально приближенное к критическому издание: Namik Kemal, 1971.

55. Наиболее систематизированное исследование первого этапа османского конституционализма (1876–1878 гг.): Devereux, 1963, где первостепенное внимание уделено юридическим и процессуальным деталям. Политико-дипломатическая сторона вопроса широко освещена в: Петросян, 1990.

В декабре завершилась работа над текстом Основного закона, опиравшаяся почти исключительно на французскую, прусскую и бельгийскую модели (Devereux, 1963: 80–81). Решающую роль в обсуждении документа в рамках Конституционного собрания сыграли Намык, Зия и Агях. Однако к участию в грядущих выборах в представительный-совещательный орган был допущен только последний из них⁵⁶. Более того, уже в феврале 1877 г. Намыку предъявили прямое обвинение в подстрекательстве к свержению царствующего государя (на заседании только что созданной Палаты представителей он произнес двусмысленный стихотворный отрывок, который расценили как намек на то, что Абдул-Хамида постигнет судьба его старших братьев). Якобы за нарушение общественного порядка его почти полгода продержали под арестом в Стамбуле, но потом вынесли приговор в смягченной форме, присудив ему только отправку на постоянное проживание на Крит. По собственному желанию Намыка критское изгнание ему заменили на лесбосское. Столь же мимолетным оказалось и возвышение Зия, который к этому времени успел заметно продвинуться по карьерной лестнице до ранга везира: Абдул-Хамид все же настоял на том, чтобы подозрительного, в его глазах, деятеля удалили из столицы, назначив вали Сирии и вернув ему титул паши.

Совсем иначе, казалось, складывались взаимоотношения нового государя с Суави, который, получив дозволение вернуться в Стамбул, быстро снискал благосклонность Абдул-Хамида статьями, направленными против Мидхата. Падишах сначала назначил недавнего политэмигранта домашним учителем своих сыновей и племянников, затем ввел в состав «Комитета переводчиков», призванного знакомить государя и правительство с материалами западных средств массовой информации, касающихся внешней политики империи. Эта организация оказалась мертворожденной, и султан поставил Суави заведовать дворцовой библиотекой Йылдыз-Сарая, а в феврале 1877 г. — сделал директором подшефного лицея *Мектеб-и Султани* в Галатасарае. На этом посту Суави, правда, задержался только до октября, когда своими неумными амбициями спровоцировал конфликт по кадровым вопросам и формированию программы с министром просвещения, убежденным западником Мюниф-пашой. В декабре он, после прямого вмешательства британского посла, ушел из *Мектеб-и Султани* и теперь уже обратил все свои нападки на Абдул-Хамида II.

Тем временем в политике дворца обозначился радикальный сдвиг⁵⁷, который с началом Русско-турецкой войны в апреле 1877 г. стремительно разворачивался в завершающую стадию османского конституционного кризиса⁵⁸. Чрезвычайное положение предоставило Абдул-Хамиду все рычаги воздействия на ситуацию внутри империи. Если ранее, под давлением «Новых османцев», возлагавших на него свои надежды, молодой султан обязался блюсти конституцию, то теперь, перейдя в наступление против реформаторов (Devereux, 1963: 251–256), он мог быстро по-

56. Постатейный анализ османской конституции: Devereux, 1963: 60–79.

57. О его предпосылках см., например: Devereux, 1963: 51–59.

58. Об обстановке в Стамбуле в эти месяцы см.: Кинросс, 1999: 560–576.

кончить с только набравшими силу представительными институтами, которые создавались по указке группы Мидхата.

Фактически (но не формально) отменив принятый Государственным советом документ, падишах инициировал возвращение к режиму личной власти, которому пытался, кроме того, придать еще более авторитарные черты ввиду решительного ослабления роли кабинета министров после отстранения Мидхата (ум. в 1884 г.) (Devereux, 1963: 101–250). Разгон парламента и сворачивание конституционного движения с приостановлением действия самого Основного закона повлекли за собой опалу и остальных его лидеров, которые в большинстве своем смирились со ссылкой в отдаленные вилайеты: так, Агяха, который даже не принимал участия в событиях 1877 г., отправили сначала в Бурсу, а затем — в Анкару.

Единственным исключением был Суави, тайно готовивший вооруженное выступление с целью воспрепятствовать утверждению самовластия. В мае 1878 г. он повел около полутора ста своих сторонников (в основном беженцев-мухаджиров из Румелии, многие из которых, родом из Филиппополя, хорошо помнили речистого проповедника и доверяли ему) к дворцу Чираган — резиденции низложенного Мурада, которого смутьяны собирались восстановить на троне к вящему ужасу самого «кандидата» (Финкель, 2010: 671–672). В рукопашной схватке с подошедшим полицейским караулом вожака бунтарей ждала жестокая смерть: следовавшая за ним толпа рассеялась⁵⁹.

Даже подозрительные обстоятельства «налета на Чираган»⁶⁰ не дают основания усомниться в том, что «Чалмоносный бунтарь», как насмешливо прозвала Суави либеральная османская пресса, по сути, пошел за свои убеждения на смерть⁶¹. Ирония судьбы заключается в том, что именно он, по сравнению с прочими «новыми османцами», выказывал наибольшее уважение к институту султаната, последовательно уповав на то, что главным движителем спасительных преобразований выступит деятельный властелин, готовый бороться за «страну и народ (*миллет*)». Сам его поступок — при всей своей авантюристической романтике — ознаменовал наступление качественно иной эпохи для политического сознания и поведения турок (Mardin, 2000: 399, 403).

Позиции «новых османцев» окончательно подорвали поражение, понесенное от России в 1878 г., и итоги Сан-Стефанского трактата, пусть и смягченные на Берлинском конгрессе, но все же крайне неутешительные для Стамбула. Сопrotивляться султану в чрезвычайных обстоятельствах было невозможно. По мере сил

59. Показательно, что Абдул-Хамид не отказал своему бывшему библиотекарю (убитому, скорее всего, по ошибке) в достойном погребении неподалеку от Йылдыз-Сарая. Однако сам факт насильственной гибели при выступлении против «Кровавого султана» способствовал героизации образа Суави младотурецкой пропагандой начала XX в.

60. Жена Суави — англичанка, с которой он сблизился в годы британского изгнания, бежала в Лондон, уничтожив все документы, связанные с подготовкой мятежа.

61. Фигура Суави остается во многом загадочной. Большая часть его наследия не издана, а значительная доля, очевидно, утеряна. Критический обзор писаний этого «зелота» см.: Mardin, 2000: 360–384.

покровительствуя внедрению технических достижений прогресса, он на протяжении без малого трех десятилетий беспощадно подавлял все проявления не только политического, но и интеллектуального либерализма (Кинросс, 1999: 579–590).

Последние годы: литераторы на губернаторстве

Для Зия уход из политики означал почетную отставку в должности вали отдаленной Коньи (1877–1878 гг.), затем — еще более далекой Аданы. В последние два года своей жизни (умер в мае 1880 г.) он много сделал для развития культурной жизни и публичного образования в этих малоазиатских вилайетах, стимулировав формирование школьных и попечительских советов (в полном, впрочем, соответствии с давними проектами Танзимата). Примером для подражания ему служил Ахмед Вефик-паша, так же как и он, пребывавший в ссылке-губернаторстве, только в Бурсе. В Адане Зия, помимо забот об общественном строительстве (в том числе открытия *рюшдийе*), основал городской театр, куда специально пригласил из Стамбула актерскую труппу, для которой сам переводил с французского пьесы. Отход от столичной карьеры позволил ему снова обратиться к литературной критике и переводческой деятельности.

Для Зия — самого плодovitого из поэтов эпохи Танзимата (если, пожалуй, не считать Намыка) — типично переплетение (причудливое на первый взгляд) социальной критики, доходящей до актуальной сатиры, суфийской эстетики и пессимистического аскетизма. Оно находится по преимуществу в пределах «диванного» диапазона жанров: здесь и касыды, и газели, и даже не лишены казенной величественности панегирики. Только в одном жанре Зия пошел на некоторую «демократизацию» своего творчества — это песни, написанные легким языком столичных улиц (правда, опять же по примеру мастеров XVIII в.).

Особняком стоят прозаическое эссе «Сновидение» и «Письмо о престолонаследии высокого султаната», где автор максимально приблизился к задаче, которую ставил перед собой годами ранее, — достижению простоты и прозрачности стиля французской публицистики. Целый ряд сюжетов он актуализировал в принципиально новом ключе. На страницах его очерков, часть которых вошла в мемуарный свод «Личный дневник», появляется весьма недвусмысленная критика застоя в османском госаппарате.

Отнести эти тенденции к категории «модерных» можно лишь осторожно. К ядовитой обличительности, вполне свойственной уже докладным султанских чиновников XVII–XVIII вв., у нового поколения критиков прибавилось если не европейски системное видение, то, по крайней мере, европейский фон сравнения. Хорошее, из первых рук, знакомство с западными реалиями, функционированием политико-юридических норм Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, но прежде всего — Франции Наполеона III задают совершенно другой тон инвективам в адрес стамбульской бюрократии.

В то же время Зия предстает и мыслителем-метафизиком. В его текстах разум выступает то как беспокойное начало, «из-за которого нет покоя мыслящим», в полном согласии с суфийской критикой рационализма, то как созидательная сила, Божий дар, возвысивший человека над животным, в соответствии с воззрениями мусульманской философии и умозрительного богословия, и нелегко здесь провести границу между тем, что сформулировано под воздействием сугубо европейских концепций *ratio*, и тем, что унаследовано из арабо-иранского интеллектуального инструментария. Нападки на проповедников официального суннизма также вряд ли могут быть восприняты как приметы антиклерикализма Нового времени: насмешливое изображение богословов и даже суфиев — еще одна конвенциональная условность тюрко-персидской поэзии, которой охотно воздавали дань даже сами *улема*, увлекавшиеся стихотворством⁶².

Более плодотворны были последние годы Намыка Кемаля, чей пламенный темперамент, стесненный условиями ссылки, оказался опять, как и в кипрский период, направлен преимущественно на беллетристику и исторические изыскания. Вместе с тем в апреле 1879 г. Абдул-Хамид назначил его мутасаррыфом Лесбоса, где Намык в очередной раз заявил о себе как энергичный управленец и добился увеличения поступлений в казну. Развернув, в частности, борьбу с контрабандой, он стремился, очевидно, под этим предлогом воспрепятствовать развитию контактов между греческим населением острова и той части Архипелага, которую контролировали Афины.

Одновременно новый мутасаррыф взялся за укрепление позиций мусульманского элемента на Лесбосе и способствовал росту его благосостояния. Он не ограничился тем, что изложил неудовлетворительное, с его точки зрения, положение турецких жителей в докладной записке, направленной в Порту, но и принял ряд мер по упрочению самосознания этой части островитян. При нем здесь открылись 20 начальных школ. Эти заслуги султанское правительство в 1882 г. вознаградило орденом *Османи*.

В 1880 г. Намык Кемаль завершил масштабное полотно из славного прошлого, выдержанное в духе Вальтера Скотта, — роман «Джезми», с вымышленным героем — янычарским командиром, сопровождающим в странствиях по Ирану беглого крымского хана Адиль-Герая. Кроме того, на Лесбосе он сочинил наиболее популярные стихотворения, вошедшие в XX в. во все антологии турецкой литературы. В малой лирике «Поэт свободы» сохранял верность изощренному персианизированному языку и узкому жанровому диапазону классиков, что не помешало ему высмеять антологию Зия в стихотворной же рецензии с издевательским названием «Снос „Трущоб“». Это неудивительно: при консерватизме оболочки внутреннее содержание и пафос касид и газелей Намыка весьма разнятся с самоуглубленным, скептическим мировоззрением Зия.

62. Попытку интерпретации этой присущей Зия *philosophical insecurity* см.: Mardin, 2000: 337–359.

Так же, как и у его бывшего соратника, Бог у Намыка — это не конфессионально понимаемый Вседержитель, а скорее деистический Абсолют — созидательный дух, который в чем-то близок Всевышней Истине в суфийской интерпретации, в чем-то — Высшему существу Робеспьера. Однако политическая риторика «Поэта свободы» резко контрастирует с созерцательным скепсисом Зия своим тираноборческим энтузиазмом и подлинно романтическим воспеванием свободы. Бессмысленность сопротивления гнету ввиду разгрома или жесткого укрощения узкой, верхушечной оппозиции железной рукой Абдул-Хамида способствовала тому, что поэт все чаще облачал свои ламентации в мистико-философскую форму⁶³.

В октябре 1884 г. недовольство лесбосских предпринимателей-греков, которые нашли себе союзников в турецкой администрации, извлекавших прибыль из тайного покровительства контрабанде, стало причиной перевода Намыка, с сохранением статуса мутасаррыфа, на другой эгейский остров — Родос, где он оставил по себе память главным образом как ревностный собиратель редких книг. В 1885 г. Намык опубликовал еще одну романизованную «хронику», очевидно, навеянную шекспировскими образцами и тоже начатую на Кипре. В центре драматического действия, развертывающегося на протяжении 15 сцен — также подлинное лицо, последний хорезмшах Джалал-ад-Дин (ум. в 1231 г.), отчаянный борец против монгольского нашествия, в уста которого Намык вкладывает рассуждения о необходимости мусульманского единения перед лицом внешнего врага. Они настолько соответствовали духу времени, точнее, набравшим силу «панисламистским» тенденциям в идеологии Османской империи, что Абдул-Хамид II удостоил автора пьесы звания «превосходительного»⁶⁴.

Декламативная и ходульная историческая драматургия «Поэта родины» послужила промежуточным звеном между выпрненным витийством Танзимата и бытописательными пьесами водевильного типа, которые обрели популярность с 1880-х годов. Основоположник украинского востоковедения Агафангел Крымский не случайно сравнил ее с трагедиями В.А. Озерова — «Карамзина русской сцены» (Крымский, 1897). Идея синкретического османско-исламского патриотизма лейтмотивом проходит почти через все стихотворения Намык последнего периода⁶⁵. Отчизна (*ватан*) — в опасности, враги — внутренние (самовластие) и внешние (покушающиеся на ее земли) душат нацию (*миллет*). Вне контекста решительно невозможно определить, имеется ли в виду мусульманское сообщество в целом, или все же исповедующие ислам обитатели «Богохранимых царств».

Усилия Намыка по укреплению на Родосе османского начала падишах также оценил медалью за отличие. Это не помешало ему в 1887 г., удовлетворив жалобу, принесенную на Намыка британскими и греческими негоциантами, перебраться

63. Емкое описание репрессивной практики абдулхамидовского режима см.: Финкель, 2010: 668–720.

64. О «панисламизме» Абдул-Хамида см., в частности, популярный очерк в: Кинросс, 1999: 591–611.

65. Практически все стихотворное наследие Намыка (не считая целого ряда произведений, остающихся в рукописях) представлено в: Namik Kemal, 1960.

его на Хиос. Жить «Поэту свободы» оставалось недолго — в декабре 1888 г. его не стало⁶⁶. За год до Намыка, в 1887 г., в Афинах тихо ушел из жизни османский посол Агях-эфенди. Последние годы, так же как и его именитый товарищ, он провел на губернаторских постах — на Родосе и Лесбосе (до 1885 г.).

Несмотря на торжественное перезахоронение Намыка, запрет с переиздания его творений не снимался до самой младотурецкой революции, но многие из них издавались анонимно или под псевдонимами, и власть «Поэта родины» над умами османской читающей молодежи только укрепилась. Так и осталась незавершенной писавшаяся урывками в Фамагусте и на Родосе «Османская история», где он, первым среди историографов империи, попытался проанализировать процесс ее возвышения не с провиденциальных, а с рационалистических позиций, в культурно-политическом контексте Великих географических открытий. Уже в конце XIX в. за Намыком закрепилось уважительное прозвание «Величайший литератор». Широкою аудиторию в османском образованном обществе fin de siècle завоевало его аллегорическое эссе «Сновидение», намного обошедшее по известности одноименный опус его бывшего товарища и соперника Зия (последнего знали в основном по двум его строфическим поэмам, быстро разобранным на цитаты). Романами и драмами Намыка зачитывался в юности Мустафа Кемаль (уже став Ататюрком, он назовет его «своим отцом в мире чувств») (см. также: Mardin, 2000: 404–405).

Наследие «младоосманского» поколения

При всех внутренних конфликтах, драматизме и конечной неудаче в деятельности членов *Иттифак-и хамийет джемийети* именно они, не в последнюю очередь благодаря беспрецедентной для их социума широте кругозора, определили основной вектор, по которому эволюционировало турецкое общество (Mardin, 2000: 3–9). За ними очень быстро утвердился статус классиков национальной поэзии, художественной прозы и драматургии⁶⁷. Он сохранится за ними даже после кемалистской реформы языка, невзирая на то, что последняя, в огромной мере, оторвала новые поколения турок от вербальной эстетики, близкой сердцу Намыка и Зия, с их словотворчеством на базе арабо-персидской лексики, громоздким и чужеродным для читателей XX века.

Противоречивую в своей многогранности и склонной к риторизму патетике идеологему, к которой можно с большим трудом свести обширные писания «Новых османцев», переняли к концу XIX в. новые политические группировки (Lapidus, 2002: 497–498). Первоначальные декларации о равенстве всех подданных империи без различия этнической принадлежности и религии сменились более

66. Абдул-Хамид удовлетворил желание Намыка покоиться в Болайыре, а через несколько лет распорядился воздвигнуть над могилой небольшой мавзолеей; его престарелого отца он назначил придворным астрономом.

67. Окончательная «канонизация» глашатаев «новоосманского» движения — Намыка и Зия — как «великих литераторов» и ведущих деятелей общественной мысли отразилась в: Sungu, 1940.

жестким централистским курсом, который взял на вооружение репрессивные практики Абдул-Хамида II и даже расширил их⁶⁸. С первых же месяцев, прошедших после младотурецкой революции 1908 г., определилась тенденция к конструированию османской нации с преимущественной апелляцией к тюркскому началу⁶⁹.

Черета потрясений, постигших Стамбул между 1909 и 1913 гг. (в том числе Триполитанская и Первая Балканская войны), подтолкнула правящий режим «Комитета Единение и прогресс» (*Иттихад-у теракки джемийети*) к выбору в пользу форсированной ассимиляции нетюркских народностей, которые составляли, даже после почти полной потери Румелии, более половины населения (Кинросс, 1999: 630–642). Однако и нарождавшийся пантюркизм, и возрождавшийся усилиями младотурецкой хунты политический миф Халифата оказались в конечном итоге неэффективны, в немалой степени из-за вступления империи в Первую мировую войну, которая быстро истощила ее и без того скромный экономический потенциал и, несмотря на беспрецедентные репрессии и депортации восточнохристианских сообществ Малой Азии (армянский и ассирийский геноциды), завершилась окончательным крахом османского проекта.

Литература

- Айзенштейн Н. А. (1968). Из истории турецкого реализма. М.: Наука.
- Алькаева Л. О., Бабаев А. (1967). Турецкая литература. Краткий очерк. М.: Наука.
- Бейдилли К. (2006). От Кючюк-Кайнарджийского договора до распада империи // История Османского государства, общества и культуры. Т. 1 / Под ред. Э. Ихсаноглу; пер. с тур. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. М.: Восточная литература. С. 51–106.
- Гордлевский В. А. (1961). Избранные сочинения. Т. 2. М.: Наука.
- Дулина Н. А. (1984). Танзимат и Мустафа Решид-паша. М.: Наука.
- Еремеев Д. Е., Мейер М. С. (1992). История Турции в Средние века и Новое время. М.: Изд-во Московского ун-та.
- Желтяков А. Д. (1972). Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции. М.: Наука.
- Ипширли М. (2006). Организация Османской империи // История Османского государства, общества и культуры. Т. 1 / Под ред. Э. Ихсаноглу; пер. с тур. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. М.: Восточная литература. С. 107–216.
- Ихсаноглу Э. (2006). Османские учебные и научные институты // История Османского государства, общества и культуры. Т. 2 / Под ред. Э. Ихсаноглу; пер. с тур. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. М.: Восточная литература. С. 263–372.
- Кинросс Л. (1999). Расцвет и упадок Османской империи / Пер. с англ. М. Пальникова. М.: КРОН-ПРЕСС.

68. Общую характеристику этого перехода см.: Петросян, 1971.

69. На примере Сирии эта ситуация предметно очерчена в: Khalidi, 1977.

- Крымский А. Е.* (1897). Намык Кемаль-бей // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXа: Наказной атаман — Неясыти. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона. С. 516.
- Кютюкоглу М.* (2006). Экономическая структура Османской империи // История Османского государства, общества и культуры. Т. 1 / Под ред. Э. Ихсаноглу; пер. с тур. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. М.: Восточная литература. С. 423–517.
- Кямилев Х.* (1967). У истоков современной турецкой литературы (Турецкие писатели-просветители второй половины XIX в.). М.: Наука.
- Луцкий В. Б.* (1965). Новая история арабских стран. М.: Наука.
- Новичев А. Д.* (1968). История Турции в 4-х томах. Т. 2: Новое время. Ч. 1 (1792–1839). Л.: Издательство ЛГУ.
- Новичев А. Д.* (1973). История Турции в 4-х томах. Т. 2: Новое время. Ч. 2 (1839–1853). Л.: Издательство ЛГУ.
- Новичев А. Д.* (1978). История Турции в 4-х томах. Т. 2: Новое время. Ч. 3 (1853–1875). Л.: Издательство ЛГУ.
- Окай О.* (2006). Турецкая литература периода вестернизации. Исследование интеллектуальной жизни в эпоху вестернизации // История Османского государства, общества и культуры. Т. 2 / Под ред. Э. Ихсаноглу; пер. с тур. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. М.: Восточная литература. С. 66–116.
- Ортайлы И.* (2006). Период Танзимата и последующее административное устройство // История Османского государства, общества и культуры. Т. 1 / Под ред. Э. Ихсаноглу; пер. с тур. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. Т. 1. М.: Восточная литература. С. 217–262.
- Петросян Ю. А.* (1958). «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М.: Наука.
- Петросян Ю. А.* (1971). Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Наука.
- Петросян Ю. А.* (1990). Османская империя: могущество и гибель. М.: Наука.
- Сафрастян Р. А.* (1985) Доктрина османизма в политической жизни Османской империи (50–70 гг. XIX в.). Ереван: Изд-во АН АрмССР.
- Сафрастян Р. А.* (1988). Отражение доктрины османизма в законодательных актах Порты (50–60-е годы XIX в.) // Турция: история и современность. М.: Наука.
- Стамбулов В.* (1935). Намык Кемаль. М.: Журнально-газетное объединение.
- Фадеева И. Л.* (1985). Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм — панисламизм) XIX — начала XX в. М.: Наука.
- Финкель К.* (2010). История Османской империи: видение Османа / Пер. с англ. К. Алексеева, Ю. Яблокова. М.: АСТ.
- Хитцель Ф.* (2006). Османская империя / Пер. с фр. М. А. Черепяхина. М.: Вече.
- Шабанов Ф. Ш.* (1967). Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку: Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР.

- Akgündüz A., Oztürk S.* (2011). Ottoman history: misconceptions and truths. Rotterdam: IUR Press.
- Ali Haydar Midhat Bey.* (1908). Midhat-Pacha, sa vie — son oeuvre. Paris: Stock.
- Ambros E. G.* (2002). Ziya Pasha // Encyclopaedia of Islam. V. 11: W–Z / Ed. P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs. Leiden: Brill. P. 518–519.
- Davison R. H.* (1963). Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton: Princeton University Press.
- Davison R. H.* (1977). Nationalism as an Ottoman problem and the Ottoman response // Nationalism in a non-national state: the dissolution of the Ottoman Empire / Ed. W. H. Haddad, W. Ochsenswald. Columbus: Ohio State University.
- Devereux R.* (1963). The first Ottoman constitutional period: a study of the Midhat Constitution and Parliament. Baltimore: The John Hopkins Press.
- Dizdaroglu H.* (1970). Şinasi: Hayatı, sanatı, eserleri. Istanbul: Varlık Yayınevi.
- Dumont P.* (1989). La Franc-maçonnerie ottomane et les «idées françaises» à l'époque des Tanzimat // Revue du monde musulman et de la Méditerranée. № 52–53. Aix-en-Provence: Edisud. P. 150–159.
- Engelhardt E.* (1882). La Turquie et le Tanzimat. Paris: A. Cotillon.
- Farah C.* (1977). Censorship and freedom of expression in Ottoman Syria and Egypt // Nationalism in a non-national state: the dissolution of the Ottoman Empire / Ed. W. H. Haddad, W. Ochsenswald. Columbus: Ohio State University. P. 151–194.
- Fisher A.* (1977). Crimean separatism in the Ottoman Empire // Nationalism in a non-national state: the dissolution of the Ottoman Empire / Ed. W. H. Haddad, W. Ochsenswald. Columbus: Ohio State University. P. 57–76.
- Haddad W.H.* (1977). Nationalism in the Ottoman Empire // Nationalism in a non-national state: the dissolution of the Ottoman Empire / Ed. W.H. Haddad, W. Ochsenswald. Columbus: Ohio State University. P. 3–24.
- Halman T.S.* (1997). Su'avi, Ali // Encyclopaedia of Islam, V. 9: San-Sze / Ed. P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs. Leiden: Brill. P. 737–738.
- Kabaklı A.* (1968). Türk edebiyatı. C. 2. Istanbul: Türkiye Yayınevi.
- Kaplan M.* (1948). Namık Kemal: Hayatı ve eserleri. Istanbul: Istanbul Üniversitesinin Edebiyat Fakültesi Yayınları.
- Kaynar R.* (1954). Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi.
- Khalidi R.* (1977). Arab nationalism in Syria: the formative years, 1908–1914 // Nationalism in a non-national state: the dissolution of the Ottoman Empire / Ed. W. H. Haddad, W. Ochsenswald. Columbus: Ohio State University. P. 207–238.
- Koray E.* (1983). Yeni Osmanlılar // Türk Tarih Kurumu. Belleten. V. 47. № 186. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi.
- Lapidus I. M.* (2002). A history of Islamic societies. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mardin Ş.* (2000). The genesis of Young Ottoman thought: a study in the modernization of Turkish political ideas. Syracuse: Syracuse University Press.
- Müntahabat-i Tasvir-i efkar* (1885). C. 1 — Siyasiyat. Istanbul: Matbaa-i Ebuzziya.

- Namık Kemal* (1960). *Külliyat*. C. 1–3. Ankara: Dün-Bugün Yayınevi.
- Namık Kemal* (1971). *Intibah*. İstanbul: Remzi Kitabevi.
- Ortaylı İ.* (2008). *İmparatorluğun en uzun yüzyılı*. İstanbul: İletişim Yayınları.
- Seçmen H.* (1972). *Şinasi*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları.
- Sertoglu M.* (1973). *Türkiye’de yenileşmenin tarihçesi ve Tanzimat devrimi*. İstanbul: İstanbul Gazetesi.
- Şinasi.* (1960a). *Makaleler*. Ankara: Dün-Bugün Yayınevi.
- Şinasi.* (1960b). *Müntahabat-i eşar*. Ankara: Dün-Bugün Yayınevi.
- Spencer W.* (1977). *Ottoman North Africa // Nationalism in a non-national state: the dissolution of the Ottoman Empire / Ed. W. H. Haddad, W. Ochsenswald*. Columbus: Ohio State University. P. 103–128.
- Suavi A.* (2014). ‘Ali Su’avi // *Encyclopaedia of Islam / Ed. G. Kraemer, D. Matringe, J. Nawas, E. Rowson*. Brill Online, 2014. Available at: http://www.paulyonline.brill.nl/entries/encyclopaedia-of-islam-3/ali-suavi-COM_23752 (accessed 1 January 2014).
- Sungu I.* (1940). *Tanzimat ve Yeni Osmanlılar // Tanzimat I*. İstanbul: Maarif Matbaası. S. 777–857.
- Tansel F. A.* (1997) *Kemal, Mehmed Namık // Encyclopaedia of Islam, V. 4: Iran–Kha / Ed. P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs*. Leiden: Brill. P. 875–879.
- Zarcone Th.* (2005). *La Turquie: De l’Empire ottoman à la République d’Atatürk*. Paris: Gallimard.
- Zürcher E.-J.* (2002). *Yeni ‘Othmanlılar // Encyclopaedia of Islam, V. 11: W–Z / Ed. P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs*. Leiden: Brill. P. 331–332.
- Zürcher E.-J.* (2004). *Turkey: a modern history*. London: I. B. Tauris.

“United by Enthusiasm” or “Young Turkey”: Glimpses of Ottoman Sociopolitical Thought in the Second Half of the 19th Century

Timur Koraev

Assistant Professor, Moscow State University

Address: GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation 119991

E-mail: timur-koraev@mail.ru

The article is centered around the activities of the first political club in the history of the Ottoman realm — the so-called “Young Ottomans” (originally — *İttifak-i hamiyet*, “The League of Enthusiasm”). The evolution in the world outlook of its foremost representatives, namely İbrahim Şinasi (1826–1871), Namık Kemal (1840–1888), Abdülhamit Ziya (1829–1880) and Ali Suavi (1839–1878), is put under scrutiny. Special attention is paid to the societal context for the rise of the “Young Ottoman” movement: competition among courtly cliques, uneven modernization of the bureaucracy, gradual emergence of “proto-national” conscience under the impact of modern

ideologies. Questioning the conceptualization of the “Young Ottoman” circle as a consolidated and organized community with a clear-cut program of action, we stress the differences in concrete attitudes and ambitions which account for the absence of a common platform and the individualism of political behavior, typical for the movement’s leaders. An attempt is also made at analyzing the individual careers of the circle’s members against their social background, education, informal links, participation in client-patron networks of the Sublime Porte and personal relationships with the imperial elite of the Tanzimat period (1839–1876) and Abdülhamit II’s reign (1876–1909). Modes of interaction are traced between Western and Islamicate elements in “Young Ottoman” concepts of “Motherland”, “freedom”, “nation” and others, which were rapidly imbibed by the political language of the Islamic world in the second half of the 19th century. Special accent is made on the innovative features of the “Young Ottoman” press (*Tercüman-i ahval*, *Tasvir-i efkâr*, *Muhbir*, *Hürriyet* journals) in the context of the history of Middle Eastern media. Specific points of their intellectual attitude towards the issues of cultural transformation faced by the Ottoman society in 1830–1860-s are discussed, in particular, a consideration is made of the contribution of their literary and journalistic legacy to the Turkish nation-building success of the 20th century based on the consolidation of Turkic-speaking populations in Asia Minor and the Balkans.

Keywords: “Young Ottomans”, Ottoman Empire, Turks, Namık, Ziya, Şinasi, Suavi

References

- Akgündüz A., Oztürk S. (2011) *Ottoman History: Misconceptions and Truths*, Rotterdam: IUR Press.
- Ali Haydar Midhat Bey (1908) *Midhat-Pacha, sa vie — son oeuvre*, Paris: Stock.
- Alkaeva L., Babaev A. (1967) *Tureckaja literature. Kratkij ocherk* [Turkish Literature. A Brief Outline], Moscow: Nauka.
- Ambros E. G. (2002) Ziya Pasha. *Encyclopaedia of Islam, Vol. 11: W—Z* (eds. P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs), Leiden: Brill, pp. 518–519.
- Beydilli K. (2006) Ot Kjučjuk-Kajnardžhijskogo dogovora do raspada imperii [From Küçük Kaynarca to the Collapse]. *Istorija Osmanskogo gosudarstva, obshhestva i kul'tury, Tom 1* [History of the Ottoman State, Society and Civilization, Vol. 1], Moscow, Vostochnaja Literatura, pp. 51–103.
- Davison R. H. (1963) *Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876*, Princeton: Princeton University Press.
- Davison R. H. (1977) Nationalism as an Ottoman Problem and the Ottoman Response. *Nationalism in a Non-National State: The Dissolution of the Ottoman Empire* (eds. W. H. Haddad, W. Ochsenswald), Columbus: Ohio State University.
- Devereux R. (1963) *The First Ottoman Constitutional Period: A Study of the Midhat Constitution and Parliament*, Baltimore: The John Hopkins Press.
- Dizdaroglu H. (1970) *Şinasi: Hayatı, sanatı, eserleri* [Şinasi: His Life, Legacy, and Works], Istanbul: Varlık Yayınevi.
- Dulina N. (1984) *Tanzimat i Mustafa Reshid Pasha* [The Tanzimat and Mustafa Reshid Pasha], Moscow: Nauka.
- Dumont P. (1989) La Franc-maçonnerie ottomane et les “idées françaises” à l’époque des Tanzimat. *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*, no 52–53, pp. 150–159.
- Engelhardt E. (1882) *La Turquie et le Tanzimat*, Paris: A. Cotillon.
- Eremeev D., Mejer M. (1992) *Istorija Turcii v srednje veka i novoje vreme* [A History of Turkey in the Middle Ages and Modern Times], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Fadeeva I. (1985) *Oficial'nyje doktriny v ideologii i politike Osmanskoy imperii (osmanizm — panislamizm) XIX — nachala XX v.* [State Doctrines in Ottoman Imperial Ideology and Policy (Ottomanism — Pan-Islamism) in the 19th and Early 20th Centuries], Moscow: Nauka.
- Farah C. (1977) Censorship and Freedom of Expression in Ottoman Syria and Egypt. *Nationalism in a Non-National State: The Dissolution of the Ottoman Empire* (eds. W. H. Haddad, W. Ochsenswald), Columbus: Ohio State University.
- Finkel C. (2010) *Istorija Osmanskoy imperii: videnije Osmana* [Osman’s Dream: The Story of the Ottoman Empire 1300–1923], Moscow: AST.

- Fisher A. (1977) Crimean Separatism in the Ottoman Empire. *Nationalism in a Non-National State: The Dissolution of the Ottoman Empire* (eds. W. H. Haddad, W. Ochsenswald), Columbus: Ohio State University.
- Gordlevsky V. (1961) *Izbrannyje sochinenija. Tom 2* [Selected Works, Vol. 2], Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury.
- Haddad W. H. (1977) Nationalism in the Ottoman Empire. *Nationalism in a Non-National State: The Dissolution of the Ottoman Empire* (eds. W. H. Haddad, W. Ochsenswald), Columbus: Ohio State University.
- Halman T.S. (1997). Su'avi, Ali. *Encyclopaedia of Islam, Vol. 9: San—Sze* (eds. P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs), Leiden: Brill, pp. 737–738.
- Hitzel F. (2006) *Osmanskaja imperija* [The Ottoman Empire], Moscow: Veche.
- İhsanoglu E. (2006) Osmanskije uchebnyje i nauchnyje instituty [Ottoman Educational and Scholarly-Scientific Institutions]. *Istorija Osmanskogo gosudarstva, obshhestva i kul'tury. Tom 2* [History of the Ottoman State, Society and Civilization, Vol. 2], Moscow: Vostochnaja Literatura, pp. 263–372.
- İpşirli M. (2006) Organizacija Osmanskoj imperii [Ottoman State Organization]. *Istorija Osmanskogo gosudarstva, obshhestva i kul'tury. Tom 1* [History of the Ottoman State, Society and Civilization, Vol. 1], Moscow: Vostochnaja Literatura, pp. 107–216.
- Izenshtein N. (1968) *Iz istorii tureckogo realizma* [From the History of Turkish Literary Realism], Moscow: Nauka.
- Kabaklı A. (1968) *Türk edebiyatı, C. 2* [Turkish Literature, Vol. 2], Istanbul: Türkiye Yayınevi.
- Kaplan M. (1948) *Namık Kemal: Hayatı ve eserleri* [Namık Kemal: His Life and Works], Istanbul: İstanbul Üniversitesi'nin Edebiyat fakültesi Yayınları.
- Kaynar R. (1954) *Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat* [Mustafa Reşit Paşa and the Tanzimat], Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi.
- Kinross L. (1999) *Rascvet i upadok Osmanskoj imperii* [Ottoman Centuries: The Rise and Fall of the Turkish Empire], Moscow: KRON-PRESS.
- Krymsky A. (1897) *Namyk Kemal'-bej* [Namik Kemal Bey]. *Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. Tom XXa* [Brockhaus & Efron's Encyclopedic Dictionary, Vol. 20a], Saint-Petersburg: Tipo-litografija I. A. Efrona, p. 516.
- Khalidi R. (1977) Arab Nationalism in Syria: The Formative Years, 1908–1914. *Nationalism in a Non-National State. The Dissolution of the Ottoman Empire* (eds. W. H. Haddad, W. Ochsenswald), Columbus: Ohio State University.
- Kjamiliev H. (1967) *U istokov sovremennoj tureckoj literatury (Tureckije pisateli-prosvetiteli 19 veka)* [At the Origins of Contemporary Turkish Literature: The Writers of the Turkish Enlightenment in the Second Half of the 19th Century], Moscow: Nauka.
- Koray E. (1983) Yeni Osmanlılar [The Young Ottomans]. *Türk Tarih Kurumu. Belleten*, vol. 47, no 186.
- Kütükoğlu M. (2006) Ekonomicheskaja struktura Osmanskoj imperii [The Structure of the Ottoman Economy]. *Istorija Osmanskogo gosudarstva, obshhestva i kul'tury. Tom 1* [History of the Ottoman State, Society and Civilization, Vol. 1], Moscow: Vostochnaja Literatura, pp. 423–517.
- Lapidus I. M. (2002) *A History of Islamic Societies*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lutsky V. (1965) *Novaja istorija arabskikh stran* [A Modern History of the Arab Countries], Moscow: Nauka.
- Mardin Ş. (2000) *The Genesis of Young Ottoman Thought: A Study in the Modernization of Turkish Political Ideas*, Syracuse, Syracuse University Press.
- Müntahabat-i Tasvir-i efkar. C. 1 — Siyasiyat [Selected Articles from the "Tasvir-i Efkar", Vol. 1: On Political Issues], Istanbul: Matbaa-i Ebuzziya, 1885.
- Namık Kemal (1960) *Külliyat* [Complete Works], Ankara: Dün-Bugün Yayınevi.
- Namık Kemal (1971) *İntibah* [The Awakening], Istanbul: Remzi Kitabevi.
- Novichev A. (1968) *Istorija Turcii. Tom 2: Novoje vremja. Chast 1 (1792–1839)* [A History of Turkey, Vol. 2: Modern Times, Part 1 (1792–1839)], Leningrad: Izdatel'stvo LGU.
- Novichev A. (1973) *Istorija Turcii. Tom 2: Novoje vremja. Chast 2 (1839–1853)* [A History of Turkey, Vol. 2: Modern Times, Part 2 (1839–1853)], Leningrad: Izdatel'stvo LGU.

- Novichev A. (1978) *Istorija Turcii. Tom 2: Novoje vremja. Chast 3 (1853–1875)* [A History of Turkey, Vol. 2: Modern Times, Part 3 (1853–1875)], Leningrad: Izdatel'stvo LGU.
- Okay O. (2006) Tureckaja literatura perioda vesternizacii: issledovanije intellektual'noj zhizni v epohu vesternizacii [Turkish Literature during the Period of Westernization: An Exploration into Intellectual Life during the Period of Westernization]. *Istorija Osmanskogo gosudarstva, obshhestva i kul'tury. Tom 2* [History of the Ottoman State, Society and Civilization, Vol. 2], Moscow, Vostochnaja Literatura, pp. 66–116.
- Ortaylı İ. (2006) Period Tanzimata i posledujushheje administrativnoje ustrojstvo [Administrative Organization during the Tanzimat Period]. *Istorija Osmanskogo gosudarstva, obshhestva i kul'tury. Tom 1* [History of the Ottoman State, Society and Civilization, Vol. 1], Moscow: Vostochnaja Literatura, pp. 217–262.
- Ortaylı İ. (2008) *İmparatorluğun en uzun yüzyılı* [The Empire's Longest Century], Istanbul: İletişim Yayınları.
- Petrosyan Y. (1958) "Novyje osmany" i bor'ba za konstituciju 1876 g. v Turcii [The "Young Ottomans" and the Constitutional Struggle of 1876 in Turkey], Moscow: Nauka.
- Petrosyan Y. (1971) *Mladotureckoje dvizhenije (vtoraja polovina 19-go — nachalo 20-go v.)* [The Young Turk Movement in Late 19th — Early 20th Century], Moscow: Nauka.
- Petrosyan Y. (1990) *Osmanskaja imperija: mogushhestvo i gibel'* [The Ottoman Empire: Might and Breakdown], Moscow: Nauka.
- Safrastyan R. (1985) *Doktrina osmanizma v politicheskoy zhizni Osmanskoy imperii (50–70 gg. XIX v.)* [The Doctrine of Ottomanism in Ottoman Policy (1850–1870s)], Yerevan: Izdatel'stvo AN ArmSSR.
- Safrastyan R. (1988) Otrazhenije doktriny osmanizma v zakonodatel'nyh aktah Porty (50–60-e gody XIX v.) [The Doctrine of Ottomanism as Reflected in the Sublime Porte's Legislative Acts (1850s — 1860s)]. *Turcija: istorija i sovremennost'* [Turkey: Past and Present], Moscow: Nauka.
- Seçmen H. (1972) *Şinasi*, Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları.
- Sertoglu M. (1973) *Türkiye'de yenileşmenin tarihçesi ve Tanzimat devrimi* [A Historical Sketch of Turkey's Renewal and the Tanzimat Revolution], Istanbul: Istanbul Gazetesi.
- Shabanov F. (1967) *Gosudarstvennyj stroj i pravovaja sistema Turcii v period tanzimata* [Turkey's Political Organization and Legal System in the Tanzimat Period], Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbajdzhanskoj SSR.
- Şinasi (1960). *Makaleler* [Articles], Ankara: Dün-Bugün Yayınevi.
- Şinasi (1960). *Müntahabat-i eş'ar* [Selected Poetry], Ankara: Dün-Bugün Yayınevi.
- Spencer W. (1977) Ottoman North Africa. *Nationalism in a Non-National State: The Dissolution of the Ottoman Empire* (eds. W. H. Haddad, W. Ochsenswald), Columbus: Ohio State University.
- Stambulov V. (1935) *Namyk Kemal'* [Namik Kemal], Moscow: Zhurnal'no-gazetnoje objedinenije.
- Suavi A. (2014) 'Ali Su'avi. *Encyclopaedia of Islam* (eds. G. Kraemer, D. Matringe, J. Nawas, E. Rowson). Available at: http://www.pauyonline.brill.nl/entries/encyclopaedia-of-islam-3/ali-suavi-COM_23752 (accessed 1 January 2014).
- Sungu İ. (1940) Tanzimat ve yeni osmanlılar [The Tanzimat and the Young Ottomans]. *Tanzimat I*, Istanbul: Maarif Matbaası, pp. 777–857.
- Tansel F. A. (1997) Kemal, Mehmed Namik. *Encyclopaedia of Islam, Vol. 4: Iran—Kha* (eds. P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs), Leiden: Brill, pp. 875–879.
- Zarcone Th. (2005) *La Turquie: De l'Empire ottoman à la République d'Atatürk*, Paris: Gallimard.
- Zheltiakov A. (1972) *Pechat' v obshhestvenno-politicheskoy i kul'turnoj zhizni Turcii* [The Press in Socio-political and Cultural Life of Turkey], Moscow: Nauka.
- Zürcher E.-J. (2002). Yeni 'Othmanlılar. *Encyclopaedia of Islam, Vol. 11: W–Z* (eds. P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs), Leiden: Brill, pp. 331–332.
- Zürcher E.-J. (2004) *Turkey: A Modern History*, London: I. B. Tauris.